

детективная мелодрама

Талина РОМАНОВА

Счастье по
собственному
желанию

Галина Владимировна Романова

Счастье по собственному желанию

Серия «Детективная мелодрама»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167404

Счастье по собственному желанию: Эксмо-Пресс; М.: 2007

ISBN 5-699-15679-8, 978-5-699-21932-2

Аннотация

Знала ли скромная сотрудница лаборатории Люба Закатова, чем обернется для нее встреча с заезжим олигархом, купившим контрольный пакет акций их завода? Кольцом с огромным бриллиантом?! Зарплатой в тысячу долларов? Предложением руки и сердца?! Даже плакать хочется... но не от счастья! Потому что беды посыпались на Любочкину голову: погибает друг юности Тимоша, затем его теща, которая должна была передать девушке какие-то документы, смерть ходит по пятам и за самой Любой. А тут еще, как назло, появляется «любовь всей ее жизни» – красавец Ким. И каждым днем крепнет уверенность – он-то и есть виновник всех неприятностей...

Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с

этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений.

В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда – сама жизнь.

Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание.

Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Глава 3	55
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Галина Романова

Счастье по собственному желанию

Глава 1

Официально лето должно было наступить еще неделю назад, потому что именно семь дней назад случилось первое июня, но, странным образом, погода скомкала все календарные соответствия. Ветер носился по городу, обезумев от собственного нахальства. Срывал плакаты, ломал зонтики летних кафе, мутузил по переулкам кучи мусора, переволакивая их с одного места на другое. Ледяной противный дождь наперегонки с ветром стучался в окна и клонировал непроходимые лужи, вытравливая из сознания сограждан последние надежды на тепло.

Люба Закатова с силой налегла на подъездную дверь. Та подалась с трудом, тут же отскочила от притолоки, с глухим стуком ударилась о бетонную стену, заскрипев несмазанными петлями, и тут же с диким уханьем вернулась обратно. Промозглый, совсем не летний, ветер мгновенно забрался под тонкую джинсовую курточку, заморозил голые коленки – надо было джинсы надевать, а не выпендриваться в корот-

кой юбочке – и сыпанул в лицо горсть дождевой капли.

– Погодка шепчет... – вздохнув, пробормотала Люба.

С третьей попытки открыла зонтик и посмотрела под его купол с тоской и надеждой. Добраться бы еще с ним до проходной, чтобы не вывернуло его спицами вверх, чтобы не сорвало верхний крепеж, державшийся на честном слове, и не прорвало нитки, которыми вчера латала новую микроскопическую дырочку. Если в пути она лишится зонта, будет худо. Мокнуть ей сегодня никак нельзя. У нее сегодня прическа. И блузка у нее новая, спрятанная под старенькой джинсовкой. И над макияжем она мудровала целый час, стараясь, чтобы и оттенялось все, и в то же время незаметно было. Все, как учили модные журналы и советовали с экрана телевизора знаменитые визажисты.

Мокнуть было никак нельзя, сегодня у них в лаборатории двойной праздник. В кои-то веки в их болоте-то!..

Во-первых, их сегодня представляли новому то ли инвестору, то ли хозяину, то ли и тому и другому в одном лице. Представления удостоились пара начальников цехов, все сотрудники их лаборатории и еще кое-кто из дирекции. По слухам, инвестор был молод, холост и баснословно богат. Смешно, конечно, на что-то надеяться, но не ступать же к нему на ковер в стареньком белом халате, безнадежно прожженном реактивами. Потому и надела короткую черную юбочку, новую блузку и в пакете сейчас несла пару туфель на тончайшей шпильке. Туфли были почти новыми, купленны-

ми по случаю встречи Нового года в многочисленной семье на далекой родине. Потом Люба надевала их всего однажды, на Восьмое марта. Гуляли в ресторане, гуляли с размахом, она и вырядилась. Теперь тоже вроде случай представился...

А во-вторых, у их любимого начальника – Симанова Михаила Эдуардовича – сегодня юбилей. И они собирались отметить его в обеденный перерыв прямо в заводской лаборатории.

Обычно к двухтумбовому столу заведующего пододвигали стол Танюшки Савельевой, тот стоял ближе всех. Устилали все это перфорированной бумагой и накрывали, чем бог послал. Божьи послания напрямую зависели от семейного положения, социального статуса и задержки по зарплате. К примеру, если имелся муж, да еще неплохо зарабатывающий, то стол ломился от закуски. Если работающий был пенсионером, а у них в лаборатории их было пятьдесят на пятьдесят, то со средствами тоже проблем особых не возникало. И рыбка на тарелочках алела, и балычок ароматно розовел, и виноградные гроздья свисали с вазы, купленной в складчину для подобных мероприятий. А вот если не было мужа, пенсии и задержка по зарплате медленно приближалась к трехмесячному рубежу, тогда просто беда.

Люба вздохнула, вспомнив свой минувший день рождения. Как носилась на почту и обратно, в ожидании перевода от родителей. Перевод запоздал на неделю, и ей пришлось перехватывать у Жанки, что жила этажом выше. Та деньги

дала, но сотню раз предупредила, чтобы без задержек и без обмана, а то в следующий раз не получит и все такое.

Обманывать Люба не умела, даже как-то стеснялась это делать в чьем-либо присутствии. Вот один на один, у себя дома, могла насочинять кучу всякого вранья. Как бы, к примеру, она ответила своему мужу, когда тот у нее в обычном порядке клянчил деньги. Сказала бы, что купила себе что-нибудь необыкновенно дорогое. Или что отдала деньги в фонд пожертвований голодающим Эфиопии. Люба не знала, существует ли такой фонд в природе, но соврала бы ему с удовольствием.

Но вот врать не умела, хоть умри! Просил денег, давала, даже если в кошельке лежала всего одна десятка. Спрашивал ее о чем-нибудь, о чувствах, к примеру, – тоже говорила правду. Когда любила, так и так и сказала: люблю. А когда обрыдло все, тоже скрывать не стала, говорит: не могу больше, ненавижу. Он и ушел. А соврала бы, глядишь, и остался бы ее непутевый Серега дома. И жили бы они сейчас вместе. И не тосковала бы она порой от одиночества в своих четырех стенах. И не кусала бы локти втайне ото всех.

Люба снова вздохнула. Выглянула из-за угла дома и нахмурилась. На автобусной остановке стояло человек тридцать, не меньше. Значит, придется идти пешком. Стиснут, изомнут, чего доброго зацепят колготки. В такой давке можно и пуговиц на блузке лишиться. А ей нужно сегодня выглядеть. Очень нужно.

Смешно, конечно, надеяться. Господи, ну, конечно же, смешно! Станет на нее обращать внимание инвестор – холостяк – миллионер – в одном флаконе! Жди, как же! Это не любовный роман, где все женщины сплошь Золушки. И не бразильский сериал, где Золушки через одну. Это ее пускай и не очень убогая, но и не очень везучая жизнь. И надеяться в этой ее жизни на что-то грандиозное сродни сверхнаглости.

А все равно надеяться хотелось. А вдруг...

До заводской проходной она добралась в рекордно короткое время. Летела, почти не разбирая дороги. Старенькие ботиночки, специально отреставрированные для такой вот погоды, не подвели – не промокли. Зато дождь хлестал по ногам так, что промокли колготки. И зонт дважды предательски вывернул свои спицы навстречу дождевым струям. И прическа, кажется, слегка потеряла свой вид. Хорошо еще, что вняла совету соседки Жанны (та, кстати, и укладывала ей волосы в полседьмого утра) и накинула на голову легкую косынку...

– «А – восемьдесят четыре, шестнадцать» – назвала свой пропуск Люба, осторожно вытирая щеки носовым платочком. – Привет, Марин, как смена?

– Нормально. – Марина кивнула ей, подав в окошко пропуск. – Как там погода?

– Все так же. Приехал, нет?

Уточнять было не нужно. Все и так знали, кто и зачем должен приехать. Знали, ждали и уповали, потому что дела на

заводе были, мягко говоря, швах.

– Говорят, приехал. Тачка у гостиницы стоит с часу ночи крутая. Номера московские. А что за тачка, кто же его знает! Тут разные приезжают, сама знаешь.

«Мерседес», огромный, как автобус, Люба и сама видела. Ткнувшись угрюмой черной мордой в ограждение, он ждал своего хозяина во дворе заводской гостиницы. Кем был тот хозяин, пока оставалось загадкой.

Она вышла из проходной, завернула налево и пошла аккуратным тротуарчиком к угрюмому серому зданию заводской лаборатории. Вошла в широко распахнутые двери, поднялась на третий этаж и, покопавшись в сумке, достала ключи.

Она пришла первой. Она всегда так приходила. Она же была одна, без семьи. Остальные подтягивались ровно к восьми.

Сначала вбегала запыхавшаяся Танечка Савельева. Жена Тимохи Савельева – бывшего приятеля Любы. Почему бывшего? Да потому что Таня не разделяла современных взглядов на предмет дружбы между мужчиной и женщиной. Не разделяла и всячески этой дружбе препятствовала. Нервничала, изводила Любу своим нытьем, а то еще и ревновать принималась, что было много хуже.

Потом являлся их любимый Михаил Эдуардович. Тяжелой неторопливой походкой он проходил в свой угол. Потом долго и нутужно кашлял и в ответ на болезненный вздох Лю-

бы прямо лез за «беломориной».

Сестры Колядовы, Оля и Маша, такие же пенсионерки, как и начальник, входили следом за Михаилом Эдуардовичем с интервалом в секунду. Обе маленькие, беленькие, морщинистые и смешливые. Шумно входили. Шумно располагались за столами и шумно начинали рабочий день с каких-нибудь городских скандалов, сплетен или цитирования некрологов.

А уж в начале девятого являлся и Витюша Глыбин.

Чудо чудное, называла его Люба за глаза и втайне ото всех тихонечко презирала. По ее понятиям, на земле было место разным мужчинам: порядочным, подлым, сильным, слабым, красивым и нет, но таким нелепым, как Витюша...

Такие мужчины не имели права родиться и не имели права на существование, по ее тайным соображениям. В них было слишком много всего в минусе, слишком.

Мелочный, некрасивый, неопрятный, суетливый, завистливый, неумный и в то же время заносчивый. Витюша производил на нее очень угнетающее впечатление. И еще угнетало ее то, что с некоторых пор сестры Колядовы взяли за правило шумно обсуждать возможность их союза – ее и Витюшиного.

– А что, Любаша! Ты у нас женщина разведенная, пока никем не востребованная. Витенька тоже холост. Почему бы вам, так сказать... Витюша, а ты пригласи Любочку на медленный, пригласи... Ой, Витюша, а твое место подле Любоч-

ки... Что же это ты, Любочка, за Витюшей совсем не ухажи-
ваешь? У него же тарелка совсем пустая...

Люба в такие моменты заводилась с пол-оборота, но искусно изображала вежливое внимание. Грубить в их коллективе было не принято. Начальник при этом смотрел на Любу с жалостливым пониманием. Танечка с тайным торжеством. Сестры оценивающе. А Витюша всюю пускал слюни.

Интересно, в чем он сегодня явится на работу? Вчера всем объявили, что их будут представлять свалившемуся на их головы олигарху, и слезно просили одеться поприличнее. Из всех приличных вещей у Глыбина имелась рубашка в мелкую полоску. Он всегда надевал ее по праздникам. Рубашку в полоску и галстук с готовым узлом, что постоянно съезжал у него к уху. В рубашке Витюша прийти не мог, так как был в ней вчера и по неосторожности уронил повидло из пончика на самое видное место. Может, успел постирать и высушить...

Медленно тасуя пустые никчемные мысли, Люба сняла с себя куртку, повесила ее в шкаф на плечики. Вытряхнула из пакета туфли и переобулась. Косынку она успела стянуть еще на лестнице. Включила компьютер и лишь тогда подошла к зеркалу и придирчиво себя оглядела.

Господи! Едва не застонала она вслух. И на что она смеет надеяться?!

Рост? Роста никакого. Метр шестьдесят пять – это не Рост, по теперешним понятиям. Рядом с олигархами всегда те, кто

хоть на десять сантиметров выше ее.

Ноги? Ноги, как руки, а руки, как грабли, всегда любил повторять Серега. Специально, гадил, конечно, но могли бы быть и чуть длиннее. Что опять-таки минус при ее надеждах на заезжего олигарха. Придумала же тоже!..

Грудь... Люба ухватила блузку сзади и чуть натянула. Так вот было вроде и ничего. А не натягивая... совсем вроде ничего, почти не угадывалась.

Одно утешение, что хоть портрет лица удался.

«Мордаха, – говаривал Серега, – У тебя, Любань, что надо! Знойная мордаха!»

Что подразумевалось под знойной, для нее до сих пор оставалось загадкой.

Высокие скулы, большой пухлый рот, черные глаза с намеком на восточные корни. Шевелюра, кстати, тоже на это намекала. Таких черных волос на их этаже не было больше ни у кого. В самые гнусные дни их супружества, муженек из-за этого называл ее вороной. Она обижалась, конечно. И однажды, в отместку, взяла и осветлилась. Получилось ужасно. Волосы и не думали уступать химикатам своего природного преимущества и высветлились лишь до соломенного оттенка. Серега тут же окрестил ее клоуном и измывался до тех пор, пока волосы не отросли и не вернули себе первозданный цвет...

Люба осторожно прикрыла дверцу шкафа и села за свой стол. Увиденное в зеркале пусть и не особо ее расстроило,

но и не очень воодушевило. Вывод сделан – надежд никаких. Сейчас начнет подтягиваться народ. Пора было приступить к работе.

– Привет. Как дела? О! Новая блузка! Дорогая? Тебе идет. Хотя я бы такой цвет не купила. Слишком как-то уж претенциозно... – На ходу стягивая с себя легкий плащ, переобуваясь в туфли и попутно включая электрическую мешалку, Танечка Савельева без устали ее рассматривала и с удовольствием критиковала. – И чего ты на такой сочной зелени остановилась? Нужно было что-нибудь пастельное, нежное. Ты же черная вся! Глаза черные, волосы, кожа... Нет, эта зелень, слишком грубо...

Савельева проговорила до самого прихода Михаила Эдуардовича. И договорилась до того, что Люба уже была готова снять с себя блузку и натянуть свой белый халат в мелкую дырочку, такой привычный и не раздражающий глаз коллегам.

Но в отличие от Тани, остальные были более лояльны и либо не заметили ее обновки, либо одобрительно кивнули. Витюша явился в своей полосатой рубашке. Пятно от повидля он усердно замывал с вечера, и оно теперь угадывалось контрастным ореолом, начинающимся от подмышки и заканчивающимся рядом пуговиц в засохшей мыльной пене.

– Приехал, нет? – спросила Колядова Ольга Ивановна.

Никто не спросил: кто. Все и так знали, кого она имела в виду.

– Не знаю, – первой начала Люба.

– Не видел, – качнул мудрой седой головой из своего угла Симанов.

– Приехал, – вдруг удивил всех Глыбин своей осведомленностью. – Сказали, вызывать не станут. Будут ходить по отделам, знакомиться.

– Опп-па! А как же день рождения? – воскликнула Таня.

По традиции до обеда они затягивали с поздравлениями, никогда с утра не распылясь. Ближе к одиннадцати начинали двигать столы, расставлять стулья, греметь посудой. А где-то минут за десять-пятнадцать уже и рассаживались. Тут и начинались и поздравления, и цветы, и вручение подарков, а то и стихотворные посвящения. А теперь что же?! Как же они раньше положенного обеденного времени начнут суетиться, если высочайшее начальство станет ходить по кабинетам?..

В размышлениях они промучались вплоть до обеда, не зная, как поступить. Жутко затянули с приготовлениями, издергались и решили все же начинать. Первые тосты произносили, косясь на стеклянные двери в кабинет. Потом осмелели, заговорили громче, а уж после того, как диктор по радио оповестил о том, что в Москве полдень, закрыли дверь на замок и загалдели вовсю.

Они пригубили за день рождения сегодняшний, за день рождения как таковой, за здоровье, и четвертый раз, как водится, за любовь. Скушали почти все бутерброды с икрой

и семгой. Сложили на одну тарелку сыр и колбасу, намереваясь попить в три часа чайку с тем, что осталось. Собрали грязные тарелки в одну стопку на край большого стола и засуетились с чаем.

– Ум-мм, какой тортик, Михаил Эдуардович! – попискивала Мария Ивановна, впихивая в себя второй по счету кусок. – Какая же у вас жена! Ну, чудо просто, а не женщина. Руки золотые. Витюша, нравится?

Вопрос был непонятен ни Витюше, ни кому бы то ни было за столом. То ли тортик должен был нравиться, то ли золотые руки госпожи Симановой, то ли лично она должна была произвести впечатление. Это осталось загадкой. Понятно всем было одно: это был пробный шар в лузу вечного своднического нытья.

Сейчас начнется, поняла Люба и встала из-за стола.

– Пойду помою посуду, – проговорила она в ответ на возпросительные взгляды коллег. – Визита к нам еще не было, а вдруг...

Вдруг случилось тут же.

Стоило ей отпереть дверь, взять в руки горку грязных тарелок и выйти из кабинета, как навстречу ей двинулось как раз то, чего они все с таким нетерпением ждали и чего одновременно так боялись. Делегация...

– День добрый, господа. – насмешливо проговорил высокий светловолосый мужчина. – Пьянствуем на рабочем месте? Ну-ну, похвально...

Их генеральный, стоящий у самой двери и преградивший все пути отступления Закатовой Любе, сделался страшен лицом.

«Всех уволю!!! – говорил его взгляд. – Нет, сначала сотру в порошок, а потом уволю!!! Или, наоборот, сначала уволю, а потом уже...»

– Мы обедали, – вдруг подала голос Люба, и кто бы ее за язык тянул. – Сегодня у Михаила Эдуардовича день рождения. Мы обедали. А вы... Вы не хотите чаю, господа?!

Господ она выделила особенно, для контраста. Они-то уж точно были господами. В дорогих костюмах, без единой складки и заломов по швам. В ботинках ручной работы и часах стоимостью в зарплату сотрудника лаборатории за год.

Они-то – лабораторные крысы – какими могли быть господами?! Так, насмешка одна, а не господа!

– Чаю? – блондин повернулся к ней и очень пристально, совсем не по правилам внутреннего трудового распорядка, оглядел ее всю от тонких шпилек до растрепавшейся под дождем макушки. – А что, господа, давайте-ка выпьем, заодно и о делах поговорим.

Галдеж поднялся такой, что хоть святых выноси.

Колядовы принялись скакать с табуретками, стаскивая с них весь лабораторный инвентарь. Глыбин вытаращил глаза и беспрестанно повторял: очень рад, очень рад, очень рад...

Михаил Эдуардович пытался смахнуть с белой бумаги, постеленной на стол, крошки, но только все портил. Что-то

смахнул, что-то размазал по бумаге. Любе тоже пришлось включаться в общую суету. Ставить грязные тарелки на подоконник. Метаться в поисках чистых чашек или стаканов, уж что найдется. Подливать в чайник воды и снова кипятить его. Мельчить остатки торта так, чтобы всем хватило угоститься.

Наконец все расселись.

Лабораторные по одну сторону стола. Вновь прибывшие по другую.

Блондин, видимо, он и был тем самым долгожданным благодетелем, оказался как раз напротив Любы. Слева от него генеральный, справа его заместитель. И далее, заместитель заместителя.

– Итак, за день рождения! – олигарх улыбнулся тепло и приятно, поднял чашку с чаем над столом и чуть тукнул ею в бок чашки Симанова. – Ваше здоровье!

Все тут же последовали его примеру, постукав поочередно по чашке Михаила Эдуардовича, синхронно отхлебнули, отколупнули по крошке торта ложечками, спешно прожевали и снова усталились на гостей.

– Это... Гм-мм, гм-мм, – закашлялся генеральный и быстро вытер рот салфеткой, слава богу, хоть этого добра было в достатке. – Познакомьтесь, это Хелин Богдан Владимирович. Наш новый, так сказать, акционер. Контрольный пакет акций...

– Не стоит так подробно останавливаться на мелочах, – с

неудовольствием прервал его Хелин и коротко взглянул на Симанова. – Мне хотелось бы услышать о последних разработках вашей лаборатории. Подробнее о полуфракциях, пожалуйста.

Ну, это был их конек! Здесь им не было равных. Только спросите, услышите столько всего.

Хелин слушать умел. И дураком не был, как оказалось. Вопросы задавал по существу, в технологии не плавал, в химизме процесса также.

Проговорила три с половиной часа. Исписали всю лабораторную доску формулами, пришли к консенсусу и остались вполне довольны друг другом. Об этом они уже потом, ближе к концу рабочего дня узнали, когда генеральный позвонил и сообщил им об этом. Особенно похвалил Любу и попросил после пяти зайти к нему в кабинет.

– Надо же! – Савельева как раз подкрашивала губы, на мгновение оторвалась от круглого зеркала и посмотрела на Закатову недобро, с прищуром. – Везет же некоторым.

– В чем же, по-твоему, ей повезло?! – вдруг ни с чего окрылся Глыбин. – Что работой ее сейчас загрузят больше остальных?

– Знаю я эту работу, – фыркнула Танечка презрительно и принялась одной рукой взбивать реденькие волоски, выбившиеся из пучка. – Сначала задержки после пяти. Потом чай, кофе, потанцуем. А там, глядишь, и пиво, водка, полежим...

– А откуда знаешь-то, Тань? – обронила Люба с насмеш-

кой. — Так велик опыт?

Савельевой пришлось заткнуться.

Оставшиеся полчаса рабочего времени прошли в угрюмом молчании и косых взглядах, исподтишка посылаемых в адрес соседа.

Люба старалась этого не замечать. Такое уже случалось. Пережила? Пережила. И сейчас все обойдется.

Ну, да, ее выбрали руководителем новой проектной работы. Это подразумевает доплаты за сверхурочные, премиальные и почет, если работа пойдет. Об этом все знали и потихонечку, исподтишка завидовали. Но это ведь подразумевало и сверхурочные! А это и до восьми и до десяти вечера порой, и работа в выходные однозначно. Они же никто не могут задерживаться. У кого дети, у кого внуки, у Глыбина вон собака дома...

Любу лично эта мелкая подковерная зависть мало заботила. Это существовало, существует и будет существовать в обществе, такова природа людей. Ее больше расстраивал тот факт, что придется явиться в кабинет к генеральному в старых ботинках и выдавшей виды джинсовке. Вот угораздило ее вырядиться! Если бы знать то, что придется еще раз пред светлыми очами предстать...

А олигарх был чудо как хорош. Так хорош, что она едва бумажный чайный пакетик не проглотила, засмотревшись на него.

Волосы светлые, глаза голубовато-серые и умные-преум-

ные, нос, губы – все пропорционально и без изъянов. Не красавец, конечно же. Наряди его в их заводскую спецодежду, могла бы мимо пройти, не оглянувшись. Но он же не в спецовке был, она и засмотрелась. Холеный, гладкий весь, как огромный кусок дорогого сверкающего бархата, который непременно хочется погладить и помять. Руки ухоженные, пальцы длинные, ногти розовые, просто неестественно розовые. Кальция, наверное, в организме в переизбытке, решила она, разглядывая Хелина Богдана Владимировича. Тихонечко вздыхала, вспоминала свой постоянно расслаивающийся маникюр, и снова разглядывала.

Досмотрелась, что называется. Вызывают...

Люба достала со дна шкафа свои ботинки. Повертела их в руках с кислой миной и, не удержавшись, сунула в пакет. Не станет она портить вид заплатками. И куртку снимет в приемной.

Выходили из лаборатории они вместе с Таней. Все остальные уже успели убежать. Люба молчала. Таня, напротив, трещала без умолку. То про детей, их у них с Тимохой было двое. То про глупую свекровь, надумавшую посадить десять соток картошки в поле, а им теперь все лето на ней вкалывать. То про новый сериал, что начали транслировать по НТВ. А потом вдруг она резко обрывает свой беззаботный треп, и как спросит:

– Слышала, Ким вернулся?

Люба не хотела, да споткнулась.

Ким?! Вернулся?! Господи, когда?! Один, с женой?! Как он?! Как он...

Она хотела бы спросить обо всем этом, но лишь отрицательно покачала головой. Нет, мол, не слышала.

– Вчера был у нас в гостях с визитом вежливости. Подарков ребятам притащил кучу. Угощения два пакета. Они с Тимошей до утра шептались. Про тебя что-то говорили.

– И что же? – ну, не выдержала, что тут поделаешь, спросила.

– Не знаю. Мне же подслушивать приходилось. Слышала только, как твое имя несколько раз называлось. Хотя могли и про другую Любу говорить. Не факт, что про тебя, – свредничала под конец Таня и помахала ей рукой. – Ну, пока, мне нужно быстрее. Пока ты будешь на своих каблуках сухие места выбирать, я уже до дома доберусь.

Савельева быстрой походкой помчалась к проходной. Люба немного постояла, рассматривая хмурое небо, и тоже пошла. Дождя не было, кончился наконец. Устал, наверное, без конца сыпать на землю ледяными каплями. Ветер все еще метался меж заводских корпусов, но уже без прежней оголтелости. Скорее по привычке. Может, и наладится погода-то. И лето наконец наступит.

Люба вышла из проходной, поднялась по ступенькам заводууправления и через пару минут входила в приемную.

– Богдан Владимирович ждет вас, – оповестила секретарша официально, девчонка была новой, мало кого знала и еще

меньше кого уважала.

– А генеральный? – спросила Люба, стаскивая с себя куртку и швыряя ее на диван в углу.

– Богдан Владимирович один, – девица скрылась за огромным монитором и больше ничего пояснять не стала.

Хелин и в самом деле был один в директорском кабинете.

Он снял с себя пиджак и галстук, оставшись в одной рубашке, и стоял теперь у окна со стаканом минералки в руках.

– Заходите, Любовь... Можно я вас буду называть просто Любой? – вдруг спросил он, поворачиваясь к ней и улыбаясь открыто и белозубо.

Нет! Нельзя! А что?!

Кто же ее спросит-то?!

Он может называть ее Любой, кочергой, мышью белой или козой старой, или еще как захочет, она возразить не смеет. К чему такое лицемерие? А, понятно, так по протоколу...

– Конечно, Богдан Владимирович.

– Присаживайтесь, Любаша, – это он уже без разрешения. – Присаживайтесь. Поговорим. Кое-что обсудим. Наме-тим план работ, а потом... Потом поужинаем где-нибудь. Вы ведь не откажетесь составить мне компанию и немного побыть моим гидом? Город мне не особенно знаком, вдруг заблужусь.

– Д-да, да, конечно. Без проблем, – промямлила она почти нечленораздельно, едва не свалившись со стула.

О как! Прямо с первого дня и вот так повезло...

Инвестор, олигарх, хозяин, холостяк и прямо вот так вот...

Неужели ей повезло? Неужели прямо с сегодняшнего дня вместе с затяжным дождем канет в небытие и ее затяжная проза жизни? Неужели, неужели, неужели...

Люба облизала пересохшие губы, с ужасом вспомнив, что забыла обновить помаду. Чучело гороховое! Нужно было подкраситься хоть немного. А что теперь у нее на губах? Вся помада, что осталась, сползла к карандашному контуру, открыв ее голые губы...

– Любаша, да вы меня не слушаете! – вдруг возмутился Богдан Владимирович.

– Простите, бога ради! – она покраснела почти до слез. – День был тяжелый, устала немного.

– Да, к тому же сегодня пятница, и домой хочется, так ведь? – он понимающе кивнул, встал с директорского кресла и потянул со спинки пиджак. – Едем ужинать, Люба. О делах потом...

Тот «Мерседес», что дремал, уткнувшись в гостиничный забор, и в самом деле оказался его. Они подошли к машине, и Богдан помог ей забраться, поддержав за локоток. Потом сел на место водителя, и они поехали колесить по городу. Он почти не спрашивал у нее, где нужно сворачивать. Видимо, сказав, что город ему незнаком, он немного sluкавил.

Люба была не в претензии. Она сидела, вжавшись в кожаное кресло, и украдкой вдыхала в себя запах дорогой жизни.

Она была здесь повсюду. В обивке кресел. В ковриках под ногами. В безделушке, что болталась у них перед носом на ветровом стекле. Всюду напоминание о той самой дорогой жизни, которую ей приходилось видеть лишь со стороны и никогда в ней не поприисутствовать. А вот пришлось. Поди же ты...

Хелин остановил машину на Парковой. Здесь пару месяцев назад открылся самый дорогой ресторан в их городе. О том, чтобы как-нибудь пойти сюда с приятельницами, нельзя было и мечтать. По слухам, здесь за один вход надо было отвалить столько, сколько они скидывались на целый ужин. И одеваться сюда нужно было соответственно.

Вспомнив об этом, Люба мгновенно запаниковала. Господи, зачем он привез ее сюда?! На ней же эта ужасная блузка ядовито-зеленого цвета. Пускай она идет ей, но Танька назвала ее вульгарной и совсем не стильной. А он привез ее туда, где дамы, опять же с чужих слов, щеголяют в декольте и настоящих бриллиантах.

– Не стоит так смущаться, Любаша, – мягко проговорил Богдан Владимирович, вводя ее в широко распахнувшиеся перед ним двери. – Вы со мной. Остальное неважно.

Сказать, что она тут же успокоилась, было бы преждевременно, но немного уверенности все же ей перепало. Люба перестала исподтишка наблюдать за присутствующими, то и дело одергивая блузку. Кстати, посетителей было не так уж и много и...

И вот тут, как только ей удалось хоть немного взять себя в руки, она увидела Кима.

Черт побери!!! Черт побери все на свете! Почему именно сегодня?! Почему именно сейчас?! Вот злодейство так злодейство. Что он тут делает в такое время?! Что?!

У Кима был одинокий ранний ужин, либо поздний обед. Он сидел лицом к входу у самого окна и с аппетитом таскал что-то с тарелок, уставивших его столик. На Любу он едва взглянул, тут же узнал, слегка кивнул и тут же продолжил трапезничать с прежним аппетитом. Никаких тебе чувств, никакого волнения, ничего.

А вот она разволновалась. Так разволновалась, что совсем позабыла, зачем и с кем она здесь. Опомнилась лишь, когда Богдан Владимирович вторично назвал ее по имени.

– Что-то вы сегодня несколько рассеянны, Люба, – попенял он ей не без раздражения. – Или вы всегда такая?

– Нет, нет, что вы! Простите, бога ради! – опомнилась она и перестала коситься в сторону знакомой, некогда горячо любимой, склоненной над столиком макушки.

– Что будем заказывать? – Хелин открыл меню и начал зачитывать, попутно вставляя свои рекомендации.

С заказом покончили быстро. Пригубили принесенное вино, приступили к ужину. Говорили о городе, о плохом начале лета, о жилищных условиях горожан, заводчан – в частности. И плавно перешли к ее главной задаче.

– Вы должны осознавать, Люба, что вам оказана честь и

доверие, – мягко начал Хелин, излишне пристально буравя взглядом ее переносицу. – Осознавать и быть ответственной в полной мере. Работа будет секретной. Вы подпишете договор о неразглашении. Вам выделяют помещение. И ровно через неделю вы приступите. Да, чуть не забыл. Получать деньги вы будете в моем кабинете, из моих рук лично, минуя кассу. Ваша зарплата составит... Куда вы все время смотрите, Люба?!

Куда она смотрела?

Да на Кима она все время смотрела. Смотрела, слушала свое сердце, шерстила мысли и воспоминания, и через раз обзывала себя распоследней душой.

Как же она смогла тогда...

Как смогла разругаться с ним из-за какого-то пустяка?! Вспомнить же даже невозможно, из-за чего разгорелся тогда весь сыр-бор. Разругались, раскричались, разбежались по домам. А наутро он уехал. И не звонил и не писал потом три месяца. А когда вернулся вдруг как-то, вернулся так же внезапно, как и уехал, то она ему с деланной улыбкой сообщила, что выходит замуж через две недели.

«Дура ты, Любовь, – с чувством сказал он ей тогда; он всегда называл ее только Любовью и редко по-другому. – Нашла за кого выходить замуж! За Серегу Иванова... Он-то зачем женится, не сказал? Может, ему просто жить негде?»

Люба вспыхнула тогда, как порох. Со слов Кима выходило, что больше ее любить было не за что, только как за жил-

площадь. Во всяком случае, услышала она в его словах именно это. И понять не поняла, что намекал он вовсе не на ее, а на Серегину никчемность. Не поняла, хлопнула дверью у Кима перед носом, и букет не взяла, который он принес для нее и тискал за своей спиной во время разговора.

Больше она его не видела до сегодняшнего дня ни разу. Слышала, что он снова уехал. Что будто бы женился и чего-то в жизни достиг. Но точно ничего о нем не знала, потому что не спрашивала. А не спрашивала, потому что боялась, что будет больно. Как вот сейчас...

Даже близкое присутствие желанного олигарха не помогало. Мысли путались. В глазах все плыло и колыхалось, как густой кисель. А в груди все жгло и жгло, не переставая.

– Это кто? – Хелин оглянулся, проследив за ее взглядом.

– Это?.. Это мой старый знакомый. Его давно не было в городе. И увидеть его было неожиданностью. Вы извините меня... – забормотала она, с трудом перевела взгляд с Кима на Хелина, продолжая что-то жевать, совершенно не чувствуя вкуса. – Мы остановились, кажется, на моей зарплате?

– Для начала я не могу предложить вам слишком много, – Хелин тут же подхватил, мгновенно переключившись на тему, интересующую их обоих. – Скажем... Тысяча долларов вас устроит?

Она едва не поперхнулась. Вытаращила на него глаза и не моргала минуту точно. Потом проглотила так и не разжеванный кусок и хрипло переспросила:

– Сколько долларов?

– Тысяча, Любаша. Понимаю, это мало, но потом может быть больше. И... – и тут Богдан Владимирович принялся распространяться относительно временных трудностей, новизны проекта, о дебиторской задолженности и еще о чем-то.

Люба его почти не слушала, замерев с вытаращенными глазами и глупой улыбкой.

Тысяча долларов!!! Господи, это же целое состояние!!! Это же для нее... Это же для нее самая настоящая манна небесная!!!

Сейчас у нее сколько? Три с половиной тысячи отечественных, деревянных. Иногда на две сотни больше, когда Симанов в отпуске или на больничном, и ей доплачивают за совмещение обязанностей. А тут сразу двадцать восемь, или сколько там по нынешнему курсу?! Куда же... Куда же она девать их станет, когда их будет так вот много и причем ежемесячно?!

– Вы не должны отвечать мне сразу, Любаша, – мягко проговорил Богдан Владимирович. – Можете подумать...

– Я согласна! – выпалила она, не дав ему закончить. – Когда нужно будет начинать работать?

– Как только будет завезено оборудование. – Хелин понимающе ухмыльнулся. – Но снова оговорюсь, работа секретная. Посвященных будет всего лишь трое: вы, я и мой человек. Вы понимаете всю ответственность возложенных на вас

обязанностей?

– Да, понимаю! – выпалила она, хотя ни черта не понимала.

Не понимала, зачем, к примеру, такая секретность. И как можно ее сохранить внутри завода. И как она станет вести отчетность и списывать материалы. Не понимала, но все равно взяла под козырек. Не посвящать же благодетеля в свои сомнения. Еще чего доброго откажет ей в месте, или возьмет кого-нибудь другого. Танюшку, к примеру. Или Витьку Глыбина. Он хоть и чудо чудное, но химиком был от бога.

– Выпьем, Люба, за успех нашего нового предприятия! – воскликнул Хелин с улыбкой и поднял бокал с вином. – За доверие, понимание и секретность. Выпьем и едем отсюда.

Она чуть было не спросила – куда. Вовремя опомнилась. Понятное дело – куда. Ее домой. А его пути-дороги неисповедимы, как у господ.

Каким же великим было ее удивление, когда Хелин не свернул к ее дому.

– Прокатимся, – лаконично пояснил он в ответ на ее изумленное восклицание. – Нам еще многое нужно обсудить с вами.

И взял курс на выезд из города...

Гостиница называлась «Астра». Не «Астория» – нет. Просто «Астра». И было в ней все просто и незатейливо, как в самом названии. Простенький холл. Простоватый с виду консьерж, то ли пьяный, то ли больной. И такой же простенький,

как все остальное, номер.

Прямо против двери широкая кровать. Слева и справа от кровати по тумбочке. Шкаф в одну дверь в углу. Рядом с ним вход в ванную, занавешенный полосатой шелковой шторкой.

– Проходи, – подтолкнул ее в спину Хелин, очень быстро переходя на «ты». – Проходи, раздевайся и принимай душ.

– Богдан Владимирович! Я не... – Люба попятилась и с ужасом посмотрела на широкую кровать. – Богдан Владимирович!

– Люба, – он сморщился недовольно. – Давай оставим эти церемонии. И давай сделаем это по-быстрому! Мы же взрослые люди с тобой. У нас намечается серьезное предприятие, требующее абсолютного, стопроцентного доверия. А стопроцентное доверие не может не подразумевать под собой интим. Ну! Ты же взрослая девочка. Причем одинокая, и я тоже! Мой же и твой выбор не случаен, так?

– Мой выбор? – повторила она еле слышно, все еще отказываясь верить в то, что ее мечты о дорогой шикарной жизни разбиваются вдребезг об обшарпанные стены дешевого гостиничного номера.

– Скажешь, что я тебе не понравился? – капризно протянул Хелин, тут же запер дверь на ключ и поспешил убрать ключ в карман брюк. – Ты же глаз с меня не спускала во время чаепития.

Снова дура стопроцентная! Покаялась она запоздало, все еще рассеянно пытаясь сообразить, как ей поступить.

Хелин, между тем, принялся раздеваться. Стянул с себя пиджак, убрал его на плечики в шкаф, скрипнув расшатанной дверцей. Начал расстегивать рубашку и взглядом показал ей, чтобы она присоединялась. Люба медленно затеребила пуговицы на блузке.

– Любаша! Ну что ты как маленькая, ей-богу! – воскликнул Богдан Владимирович, оставшись в одних трусах. – Поторопись!

Не глядя на него, Люба сняла блузку, стянула через бедра юбку, потом колготки и в нижнем белье шагнула за полосатую занавеску. Осмысливать, что происходит, было некогда. Хелин торопил, покрикивал и уже, кажется, успел забраться под одеяло. Стало быть, привилегию водных процедур он уступил ей. Поросенок...

В дурацком гостиничном зеркале отразилось ее несчастное лицо с лихорадочно блестящими глазами. Люба открыла холодную воду и плеснула себе в лицо. Легче не стало. Стало холодно и противно. Она сняла с себя белье и влезла в облупившуюся ванну. Минуты три стояла под душем, скудными струйками бьющим ее из забившейся заржавевшей лейки. Потом обмоталась большим полотенцем, единственное, наверное, что оказалось здесь приличным, и пошла в комнату.

Богдан Владимирович лежал поверх одеяла абсолютно голый, скрестив ноги. Руки были сцеплены на животе, как у покойника. Рот скорбно сжат, глаза слегка прищурены.

– Ты чего там так долго копалась?! – недовольно обронил он и похлопал ладонью по кровати слева от себя. – Давай укладывайся, деточка. Укладывайся и приступай.

Люба едва не разревелась от унижения и отчаяния.

За что, ей все это, а?! Чем она прогневала новое руководство, что ее с первой минуты так используют?! К чему она должна приступать?! Как приступать?..

А что если взять и уйти?! Просто одеться и уйти? Пускай он себе лежит, а она уйдет. Поймает попутку, доберется до города, запрется в квартире и не станет думать ни о чем таком гадком. Просто будет проживать очередной свой день, и все, а он пускай тут лежит...

Можно, конечно, но завтра непременно наступит. И даже не столько завтра так страшило ее, сколько понедельник грядущей недели. В понедельник же на работу. А работы может и не оказаться, если она сейчас просто оденется и уйдет отсюда.

– Можно... Можно я свет выключу? – прошептала она, старательно обегая взглядом голого олигарха. – Я так не могу, Богдан Владимирович! Простите!!!

– Хорошо. Выключишь. Только для началаними с себя это полотенце. Я хочу тебя видеть.

Ей снова пришлось подчиниться. И она стояла под его ощупывающим взглядом несколько минут, тиская в правой руке край банного полотенца. Она стояла, а он ее рассматривал.

– А ты даже совсем и ничего, Любаша, – довольно хмыкнул Хелин и заворочался на кровати, меняя положение. – Давай выключай свет, раз уж ты такая стеснительная. И прыгай в койку, дорогуша. Время – деньги...

Глава 2

– Любка, ты дома? – вальяжный голос бывшего супруга немного привел ее в чувство. – Я щас приду.

– Нет!!! – заорала Люба испуганно, поражаясь тому, что у нее еще остались силы на подобный вопль. – Я не хочу никого видеть!!!

– Это чегой-то? – и Серега тут же догадливо хмыкнул в трубку. – А-аа, кажется, понял! Ким приехал. Воспоминания терзают. Сидишь весь день взаперти и рыдаешь по прошлому? Угадал?

Нет. На этот раз Серега не угадал. Впервые, наверное. Раньше ему безошибочно удавалось все угадывать про нее. И когда плакала, казалось, без причин. И когда в близости ему отказывала. И когда просто замолкала и смотрела подолгу в никуда. Тогда-то он и принимался зачитывать ее мысли, словно с листа. И ни разу прежде пальцем в небо. А сейчас вот не угадал.

Но сегодня ему было простительно, он же не мог знать ее жутковатой тайны. Не мог даже догадываться, что его высоконравственная жена в одночасье заделалась подстилкой нового руководства. Так ведь ей было заявлено? Приблизительно...

Ты, сказал Богдан Владимирович, теперь моя собственность. Рот держишь на замке, делаешь все, что я тебе велю,

и ни шагу не делаешь без моего ведома...

Сказал и уехал на огромной машине, недружелюбно косившей в ее сторону раскосыми фарами. А она пришла домой, упала лицом в диванные подушки и проревела три часа без перерыва. Потом все же нашла в себе силы встать под душ, переодеться в пижаму, и снова залегла на диван. Не спала почти всю ночь. Лишь к утру немного забылась. Потом очнулась, но вставать с дивана не торопилась. Здесь ее и застиг звонок непутевого Сереги Иванова, человека, сводившего ее пару лет назад к алтарю.

– Чего тебе? – хрипло поинтересовалась Люба и болезненно сморщилась, горло еще чего-то разболелось, не иначе оттого, что под дождь вчера с утра попала. – У меня нет времени и настроения, Сереж.

– Мне поговорить надо, – упрямо повторил Иванов. – Я зайду?

– Нет. Я приболела. У меня... У меня температура, и горло болит. Ко мне нельзя, – соврала она про температуру, присаживаясь на диване и с силой зажмуриваясь, чтобы снова не заплакать.

Если Серега сейчас ввалится к ней, то не уйдет до вечера. А то и ночевать останется. Станет ныть, напросится в сиделки, а потом и под одеяло полезет. Такое уже бывало.

– Мне надо тебя увидеть! – продолжал настаивать Иванов. – Чего ты козлишься, Люб?! Чё не так-то?! В Киме все дело? Так мне плевать! Можешь и его пригласить, если захо-

чешь. И не забывай, я там еще прописан. То, что проявляю благородство и не требую размена жилплощади, ты должна ценить. А ты...

Все. Это был его основной и беспроегрышный козырь. Возражений по этому поводу у нее никогда не находилось, поэтому Серега время от времени и проникал на ее территорию и на какое-то время лишал ее души покоя. Сегодня, кажется, был как раз тот самый случай.

– Скотина, – обронила она устало, положила трубку и поплелась открывать дверь.

Звонил наверняка от подъездной двери. Звонил с мобильного, заимел пару месяцев назад и теперь пользовал его по делу и без дела. Так что ожидать визита следовало минуты через три.

Серега управился за полторы, ворвался в квартиру с туго набитым пакетом и крохотным букетиком гвоздик.

– Это что?! – Люба уставилась на пакет, подозревая, что набит тот вещами непутевого. – Носки?!

– Да ладно тебе! – Серега скривился, снимая ботинки и протягивая к ней руки. – Здравствуй, что ли! Как чужая, ей-богу! Муж я тебе али не муж, Любка?..

Она отшатнулась. Иванов заметил и на объятиях больше не настаивал. Сразу потащился в кухню вместе с пакетом.

– Что в пакете? – Люба шла за ним по пятам. – Ты что, с вещами?! Даже и не думай! Второго такого кошмара я не переживу, Иванов! Если не уйдешь подобра, я...

– Знаю, знаю, ментов вызовешь. Сволочная ты баба, Любка, – бывший муженек уселся за стол, сложил руки наподобие первоклассника и глянул на нее с притворным укором. – Я же с душой к тебе, как к своей жене, пускай и бывшей. А ты... Сволочь ты, Любаша! Миловидная, а паскудная. Оттого и жизни у нас с тобой не было.

– Что в пакете? – продолжала настаивать Люба, больше всего страшась того, что непутевый начнет сейчас распаковываться и раскладывать свои немудреные пожитки по полкам ее шкафа. – Даже и не думай, Иванов!..

– Даже и не думаю, Любаша. – Иванов скривился, поднял пакет с пола и, перевернув его на стол, произнес с зубовным скрежетом, – Угощайся, женушка. Жри, то есть, пока я добрый!

На стол посыпались дождем апельсины, бананы, виноград, с глухим стуком ударились о стол палка сырокопченой колбасы, разноцветным калейдоскопом хлынули конфеты. Из-за пазухи поношенной джинсовой куртки Иванов достал бутылку коньяка и присовокупил ее к угощению.

– Ты снова за старое?! – она просто физически ощутила, как бледность заливает ей лицо. – Ты??? Скотина непутевая, снова за старое??? Убирайся!!! Убирайся немедленно!!! Мне не нужны из-за тебя неприятности...

У нее своих хватает, хотелось ей добавить, но она вовремя остановилась.

Иванов не должен быть в посвященных. Не тот это чело-

век, которому можно было поплакаться в жилетку. Сначала пожалеет, а потом высмеет и надругается. Это было его стилем, его направлением. Нет, ему жаловаться никак нельзя. Как и никому вообще. Ясно было приказано: полная конфиденциальность. Полная, включая постель. Ни одна живая душа, ни одна вша и все такое.

– Чё орешь-то, дура? – вроде как обиделся Серега, подпер подбородок огромным кулаком и глянул на нее с тоской. – Думаешь, украл?

– А то что же?! – Люба обвела рукой стол, заваленный продуктами. – Знаешь, на сколько все это потянет?

– Знаю. – Иванов потупил взор. – На восемьсот двадцать четыре рубля, девяносто восемь копеек. На вот, ознакомься.

И он снова полез в карман. Достал оттуда чек из супермаркета и швырнул его поверх внушительной горки конфет.

Люба опасливо потянулась к чеку и какое-то время внимательно его изучала.

Все точно. Все продукты перечислены, против каждой строчки аккуратненькие цифири, итого на восемьсот двадцать четыре рубля, девяносто восемь копеек. Как Серега и говорил.

– Откуда деньги? – все еще не хотела сдаваться Люба.

– Из леса, вестимо. – пошутил он с грустным блеском в глазах. – Работаю я, Люба. Уже два месяца как работаю. А ты думала, что я снова на большой дороге промышляю? Так я, если помнишь, условно-досрочно освобожденный. Нельзя

мне на дорогу-то. Решил вот честно работать, зарабатывать. И с первой полочки сразу к тебе.

– Зачем?

Верить ему она не могла по многим причинам. Одной из них была патологическая страсть Иванова к вранью. Если за день Серега не соврал хотя бы дважды, он впадал в депрессию. Поначалу Любу это забавляло, потом искренне изумляло, потом выводило из себя настолько, что она готова была убить его. Может, и убила бы когда-нибудь. Спасло Иванова заключение под стражу, а в дальнейшем – развод.

– Люба, не корчи из себя, знаешь... – Серега выпятил нижнюю губу, первый признак душевного дискомфорта. – Я многим тебе обязан, и это всего лишь малая часть того, чем я могу тебя отблагодарить. Но это только начало, поверь.

– Верю! Не надо! – она испуганно отшатнулась. – Мне не нужно от тебя никакой благодарности! Никакой, поверь!!! Все, что я делала прежде, я делала только для себя.

– Ага!!! – обрадовался сразу Иванов, подскакивая, как макака, на табуретке. – Я всегда и всем говорил, что ты эгоистка! Все делала и делаешь только для себя! И замуж за меня пошла из-за каких-то своих соображений, а не по любви. Говорила, что любишь, а ведь не любила по-настоящему. По Киму все время тосковала, я же чувствовал. А я ведь тебя...

Все было ясно. Серега явился с ночевкой. И в постель попросится. И спинку потереть, когда она станет купаться. Видимо, квартирная хозяйка, с которой он по совместитель-

ству спал, в отъезде. Либо попросила на пару суток освободить жилье. Так случилось, когда наезжал ее старший брат из Москвы. Серегу тот на нюх не выносил, даже в роли квартиранта. И ему приходилось на пару дней искать по городу пристанища. Все чаще оно находилось под крышей Любиного дома.

– Вот любила бы ты меня по-человечески, все случилось бы по-другому. А так ведь что? Маета одна, а не семья. Так я и терпел! Терпел все твои выкрутасы. Пока ты мне откровенно не сказала: не люблю! Что оставалось делать? Пришлось уйти. Дрянь ты все-таки приличная, Люба. Натерпелся я, одним словом, – закончил Иванов рассуждать и снова потянулся к ней. – Подойди, что ли, обнимемся, а, жена?

Люба остолбенела и смотрела теперь на Серегу, приоткрыв рот.

Воистину этот человек не переставал удивлять ее. Вот, казалось бы, все – очередной рубеж пройден, дальше ступить уже некуда. Дальше только пропасть. И больше он уже ничего такого ни сотворить, ни сказать, ни выдумать не сможет. Ан нет! Может! Да как! И за этим последним из последних рубежей непременно найдется еще и еще один. И шагать и шагать потом в этом направлении, и не перешагать его никогда – этот рубеж Серегиного нахальства, подлости и самодовольства.

Он натерпелся, да? Она дрянь, оказывается? Она любила его не по-человечески, так? А ему, значит, ничего не остава-

лось, как покинуть недостойную супругу.

— Ну, ты и гад! — выговорила Люба почти с восхищенным придыханием. — Ведь кто тебя не знает...

— Думаешь, ты узнала? Тоже мне — чтец человеческих душ, — вяло огрызнулся Иванов, снял с себя куртку и швырнул ее на руки бывшей жене. — Ко мне подход требуется. А ты все сплеча, все свою правду-матку мне рубила. А она мне нужна была? Нет. А была бы похитрее, все, глядишь, и нормализовалось бы. Ну, пришел я не вовремя, и что? Сказал же, что на работе задержался. Нет, надо было звонить и узнавать, так ли это на самом деле. Умная бы баба сделала вид, что верит. И звонить бы никуда не стала. И наутро скандал не закатила бы. Вернулся-то, в конечном счете, к тебе, не к кому-нибудь.

— Заткнись, Иванов. Или отлучу от ночлега, — пригрозила Люба, при таких вот рассуждениях непутевого ей начинало сводить живот от острого, почти непереносимого приступа лютой ненависти к своей прежней жизни и своему прежнему унижению. — Еще слово о том, какой ты замечательный, и покатишься вместе со своими подарками.

Иванов замолчал часа на полтора.

Люба вернулась в гостиную, улеглась на диван и снова завернулась в одеяло. Скомканное Ивановым на время, ее новое личное горе опять заточило так, что захотелось заплакать. Тут не к месту вспомнилось, что Ким в городе и, кажется, один. Если бы не новый работодатель, можно было бы

напроситься на встречу, поговорить, глядишь...

А теперь что? А теперь снова ничего? Почему же она всякий раз его так по-глупому, совершенно бездарно теряет? Не судьба им, что ли, быть вместе...

– Любка, картошку на тебя жарить? – Иванов, полностью войдя в роль хозяина, повязался ее передником. Засучил рукава тонкого, заношенного почти до дыр свитерка и вооружился ножом для чистки картошки. – Живешь, как не баба вовсе. В холодильнике пусто. Хлеба даже нет. Бесхозная ты, Любка. Ну, как с тобой вот можно жить?!

– Да пошел ты! – вдруг закричала она и, отвернувшись к стене, расплакалась.

Она знала, что нельзя было при Сереге этого делать. Вцепится, начнет вытягивать из нее по слову, додумывать, сопоставлять. А то еще чего доброго раньше ночи кинется ее утешать и лезть к ней под одеяло. Тогда хоть вешайся. Но слезы было не удержать. Она зарылась в подушку лицом, укрылась с головой одеялом и редела безудержно.

– О-оо, как все запущено, – пробормотал Иванов озабоченно и совершенно непредсказуемо спрятался в кухне за закрытой дверью.

Ревела она долго. Потом вроде задремала. Очнулась оттого, что Серега трепет ее за плечо.

– Пошли поешь, Люб, – проговорил он робко, совсем не похожим на его обычный глумливый голосом. – Чего ты, а?! Пойдем, а то заболеешь.

Неожиданно его нежелательное и отвратительное прежде участие подействовало на нее благотворно. Люба выбралась из постели и на десять минут скрылась в ванной. Умылась, почистила зубы и кое-как пригладила волосы, торчащие в разные стороны. Понаблюдала за собой немного в зеркало и чуть подвела глаза. А потом, вздохнув, и по губам помадой мазнула.

– Во! Вот это по-нашему. Присаживайся, Любовь! – Иванов уступил ей свое обычное место в углу, из-за которого они прежде всегда спорили, поставил в центр стола сковородку с жареной румяной картошкой и пододвинул ей тарелку с сырокопченой колбасой. – Трескай, жена! Хотя и бывшая ты мне, но душа-то за тебя все равно болит.

Врет как сивый мерин, решила про себя Люба, цепляя с тарелки кружок колбасы. Не иначе больше чем на два дня решил остановиться. Или что-то нужно от нее, вот и ходит кругами, боясь заговорить о главной и истинной причине визита.

Ни за что не станет ему помогать. Никаких наводящих вопросов! Никакой прежней проницательности и правдивости. Пускай сам барахтается в своем вранье, как хочет. И вытягивает из себя свои просьбы пускай сам. Все, надоело! Надоело с ним возиться. Ну, случались у нее редкие приступы женской слабости, когда хотелось его обратно. Но ведь редкими они были, и тут же проходили без следа. Да и случались-то все больше в его отсутствие. А стоило увидеть его,

услышать и перекинуться парой фраз, как тут же никаких сожалений о содеянном в его отсутствие разводе. Никаких угрызений совести за собственную холодность и чрезмерную правдивость. И никаких желаний, кроме одного – оказаться от Иванова как можно дальше.

– Что случилось-то, расскажешь? – Иванов протянул над столом руку и нежно коснулся ее щеки. – Плачешь, как девочка. Не иначе, обидел тебя кто-то жестоко. Не Ким, нет? Странно... Но это сугубо личное, я это нутром чую, Люб. Из-за своих лабораторных крыс ты бы так не сокрушалась... А это... А это случайно не новый хозяин завода тебе от места отказал, а?!

Поразительно!!!

Люба уставилась на Иванова во все глаза. Его бы извилины, да в нужном направлении свернуть. А то все ведь наперекосяк. То совет, то украдет, то изменит.

– Откуда про нового хозяина знаешь? – буркнула Люба невнятно, занавесившись от Сереги густой челкой. – Сорока на хвосте принесла?

– Здравсте, приехали! – Иванов фыркнул, брызнув на стол пережеванной картошкой, тут же смахнул ее со стола на пол и вытер руки о штанину. – Я где, по-твоему, работаю-то?

– Где?

– На заводе, милая. В транспортном цехе, – проговорил Иванов и с завидным аппетитом снова набросился на картошку с колбасой, забубнив уже с набитым ртом: – Где рабо-

тал до подсидки, туда и вернулся.

– Господи! Нет!!! – она даже руки на груди молитвенно сложила, боясь поверить в услышанное. – Ты же сказал, что на большой дороге тебе больше не место! Снова сбредал! Господи, как же я ненавижу твоё враньё!!!

Иванов вдруг разозлился, что редко в последнее время позволял себе на её территории. Швырнул вилку об стол. Вскочил с места, откинув табуретку ногой. И подлетел к ней, нависнув, как бывало.

– Ты чего, меня за фраера держишь, дура?! Я же сказал тебе, что не на дороге я! Не дают мне ничего, поняла! В гараже слесарю, а мне это поперек горла. Мне мотор нужен, поняла, идиотка?! Мотор!!!

Он орал сейчас на неё так, как бывало прежде. Низко нагнувшись к ней, орал ей на ухо, почти оглушив. И знал ведь, мерзавец, как не терпела и боялась она таких вот его вспышек гнева. И всё равно орал.

– Кто я без дороги?! Никто! Бугор над душой торчит целый день, как в зоне! Поди туда, подай то, сделай это! Это не моё, понимаешь?! Не моё!!!

Серёга отпрянул, тяжело дыша. Привалился задом к подоконнику и взъерошил волосы растопыренной ладонью. На неё он больше не смотрел. Пока не смотрел. Ждал её вопросов. Зачем же он здесь ещё?

Люба заколебалась. Идти на поводу у Иванова жутко не хотелось. И в то же время разбирало тревожное любопыт-

ство. С чего это он решил с ней своими проблемами делиться? Помощи от нее, ждет что ли. С какой, интересно, стати?..

– И что же я могу для тебя сделать? – пришлось ей все же снова принять его подачу. – Чем могу помочь?

– Да всем, господи! Всем, Люба! Ты же теперь у нас в фаворе! Тебя, говорят, сам хозяин теперь трахает.

Вот это был удар! Без промаха. Наверняка. Сразу по цели, и не один раз. Десять – ноль, что называется.

Ни заорать на него, ни ответить что-либо, ни просто возразить сил не было. Их и было-то не в достатке, а теперь не стало и вовсе.словно весь воздух из нее выпустили, как из дешевого резинового шарика.

Люба скорчилась над столом и крепко зажмурилась, глухо застонав.

В ушах зазвенело так, будто в голове у нее кто-то досужий принялся крошить о камни стекло.

Знает! Серега?! Если он знает, то кто еще?! Кто в посвященных?! Посвященных в ее страшную тайну. Тайну ее унижения, уничтожения, падения...

Что еще можно придумать? Пожалуй, и этого хватит на десятерых.

На нее станут оглядываться, тыкать в нее пальцами. На проходной контролерша непременно скривит тонкогубый рот в ехидной ухмылке.

А Танька... А Танька Савельева победоносно обведет всех взглядом и произнесет что-то наподобие: а что я вам гово-

рила. Тут же расскажет Тимохе. Тот – Киму. И Ким ему поверит. Он же видел их с Хелиным вместе в ресторане...

Какая гадость! Какая гадость теперь ее жизнь! Умереть, что ли?! Умереть, чтобы не мучиться, не страдать и не казнить ежедневно от всеобщего презрения.

– Ты это, Люб, не парься уж дюже сильно-то. – Иванов слегка ослабил натиск. – Об этом никто, кроме меня, не знает, если ты из-за этого так страдаешь.

– Да?! – она подняла на него обезумевшие от отчаяния глаза. – Откуда тебе-то стало известно?! Ты что, следил за мной?!

– Да, следил. – Серега кивнул и тут же, довольный собой, осклабился. – Случайно, прикинь, получилось. Ходил в пятницу под вечер в контору документы подписывать у бухгалтеров. Так, на хрень всякую: на ветошь, горюче-смазочные материалы, что-то еще. Все подписал. Да задержался на первом этаже с охранником. Пока болтали о том о сем, рабочий день закончился. Гляжу, выплываете, голубки. Я за вами. Ты вся такая...

– Какая? – Люба оторопело разглядывала Серегу: этот мерзавец в который раз удивил ее, как было не дослушать до конца.

– Светящаяся. Я сразу понял, что тут что-то не то. Я за вами. Вы в кабак. Я за вами.

– На чем?! Бегом бежал?

– Тачку арендую у квартирной хозяйки. Не могу я без ко-

лес, понимаешь. Потому здесь сейчас и распинаюсь перед тобой. – Иванов обескуражено развел руками, мол, извини, есть грешок... – Вы пожрали, снова поехали. Я снова за вами. Вы из города выехали и взяли курс на гостиницу. Я там раньше отдыхал с девчонками, место мне известное. Поднялся следом за вами на этаж. Ну и...

– Ну и?

Люба безглаголиво поморщилась, представив, как Иванов подслушивал под дверью гостиничного номера. Воровато озираясь и алчно облизываясь, он уже тогда наверняка, мразь такая, сообразил, как поудачнее использовать эту пикантную информацию.

– Ну и слышал, как вы там койкой гремели. – Серега хлопнул ладонь о ладонь. – Прихожу к тебе, а ты вся в горе. Чё тут думать-то? Факт тебя новый хозяин перегнул через колено. А ты теперь снова здорово маешься, что опять своему Киму изменила. Ревешь вон. Рожа, что брюква вареная. Два плюс два – станет четыре.

– Пускай будет четыре, дальше-то что?

Ей неожиданно сделалось все безразлично, будто лопнула внутри нее какая-то пружина, удерживающая ее горе и страх перед разоблачением около сердца.

– Как что? – Иванов совершенно искренне изумился. – А если я рот открою?!

– Открывай. Нас видел не ты один. И в ресторане. И в гостинице. Город небольшой. Слухи разносятся быстро. Зав-

тра весь завод будет знать, что Хелин переспал со мной. Может, ему того и надо?

– Зачем это? – Серега изумленно захлопал пушистыми девчоночьими ресницами.

Знать бы ей самой – зачем!..

– Затем, чтобы всякая мразь, вроде тебя, стороной меня обходила и не смела пикнуть в мою сторону. Чтобы головы даже повернуть боялась, когда я по улице иду. Чтобы боялись, понял! Боятся, значит, уважают! Тебе ли не знать об этом, Иванов! А теперь взял свою гнусную задницу в руки, быстро собрал свой харч, и свалил отсюда, чтобы духу твоего здесь не было. И если еще раз посмеешь мне позвонить, или, не дай бог, наведаться, я не знаю, что с тобой сделаю. Нет! Знаю! Я скажу Хелину, и твое условно-досрочное освобождение закончится так же внезапно, как и началось. Вон!...

Надо же, даже его проняло, невзирая на беспринципность.

Серега собрался в считанные минуты. Попихал в пакет все, что не так давно высыпал на ее стол. Не побрезговал даже нарезанной колбасой, стряхнув ее с тарелки прямо на фрукты. На бегу натянул куртчонку, сунул ноги в ботинки, даже не удосужившись их зашнуровать, подхватил пакет одной рукой и тут же без промедления взялся другой за дверной замок. Но Серега был тем, кем его произвела на свет природа-мать. Уйти просто так – без последнего слова – он, конечно же, не мог. Поэтому перед тем, как скрыться с ее глаз за дверью, он повернулся и загадочно обронил:

– Ты, Любка, самая глупая баба из тех, что я встречал в своей жизни. Образованная, но очень глупая. Поэтому тебя и пользуют все, как хотят. Все! Начиная с Кима и заканчивая Хелиным. И вляпаешься ты со своим миллионером в такое дерьмо, что... Что не выбраться тебе оттуда никогда живой и здоровой. А я тебе не помогу, так-то вот...

И ушел, скотина такая. Даже двери не закрыл за собой, оставив ее приоткрытой на четверть.

Люба затворила ее, привалилась к ней спиной и какое-то время сосредоточенно перебирала в уме все услышанное от Иванова. Что-то показалось ей в его словах тревожное. Да, да, что-то было такое – тревожное и ускользающее. Что именно? Понять бы, что она пропустила...

Услышанного было не так уж и много, и все сплошь гадское.

Сначала он угрожал ей разоблачением. Это, по большому счету, сущая ерунда. Она, в конце концов, взрослая одинокая женщина. Может иметь секс с кем и когда захочет. Почему не с Хелиным?

Конечно, ей это противно – как сам секс, так и возможность огласки. Но уж так прямо убиваться из-за этого не стоит. Не она, как говорится, первая, и не ей счет завершать. Да и Хелин оказался не таким уж плохим любовником. Даже делал робкие попытки проявить непонятную, необъяснимую нежность.

Так, это проехали...

Что еще наговорил ей тут противный Иванов?

Что ее интрижка бедой закончится? Кажется, так. А с чего бы ей заканчиваться бедой, скажите на милость? Уж большей беды, чем брак с ним самим, и придумать невозможно. Вранье, измены, потом кражи. Кончилось все милицией, допросами, а продолжилось изнурительными свиданками за колючей проволокой. Бр-рр, до сих пор вспоминать тошно.

Так, это тоже не то, из-за чего бы у нее внутри заныло.

Что тогда? Что? Что? Думай, думай, думай!!!

Ким! Вот что ее, оказывается, задело!

Иванов обмолвился, случайно ли нет, будто бы ее все пользуют, начиная с Кима и заканчивая Хелиным. С Хелиным разобрались. А вот почему Ким? Как, когда, каким, черт возьми, образом он мог ее пользоваться, использовать или что там имел в виду ее бывший непутевый? Может, он наврал в очередной раз, а? Может, умышленно хотел сделать ей больно? Вот ведь мерзавец! Заронил в душу сомнения, а ей теперь думать и мучаться: когда же Ким мог ее использовать.

Когда?

У них, собственно, на это и времени-то не было. У них все случилось очень быстро, в смысле, любовь и в смысле, расставание.

Познакомились на скорую руку в очереди за билетами на концерт одной заезжей знаменитости. На скорую руку бежали на свидания, все больше совмещая их с просиживанием в библиотеках. Люба училась тогда. Относилась к учебе от-

ветственно и старательно, так что Времени-то особенно не было на блуждания под луной. Ким не роптал. Усаживался рядом, смотрел на нее. Иногда украдкой целовал ее в щеку. Она тоже ему никогда не мешала, когда он работал. Сидела тихонько в его квартире и не мешала. И тоже с обожанием смотрела на него. А потом они вдруг разругались. Разругались из-за какой-то ерунды. То ли из-за фильма какого-то. То ли из-за Тимохи Савельева. Причина была пустяковой. Последствия оказались сокрушающе разрушительными.

Кима она потеряла и теперь, видимо, навсегда. Но, потеряв, никогда не забывала, как им было хорошо вдвоем. Он был таким... Таким необыкновенным, умным, порядочным, упрямым только. И тут вдруг какой-то Серега Иванов, отличившийся только лишь тем, что сумел на ней жениться, заявляет, что Ким ее использовал. Чудно и неправдоподобно...

Люба вернулась в кухню и в следующие полчаса приводила ее в порядок после нашествия бывшего. Тот хоть и кичился своей деловитостью, поросенком был еще тем. На плите подкоптившиеся картофельные обрезки. В раковине очистки. Прихватка от сковородки, там же и нож. Да и сковородку сумел закоптить так, будто чертей на ней жарил всю минувшую неделю.

Убиралась она самозабвенно. С остервенением начищала сковороду, мыла плиту, замывала линолеум и даже по кафельным стенам прошла мыльной мочалкой. Чтобы, значит, духу его тут не было. Карьерист тоже еще выискался.

Пришел машину через нее у дирекции просить. Кто же его выпустит с грузом на дорогу, если он в тюрьму сел только за то, что часть этого самого груза несколько раз не довозил до места, сбывая потихоньку на сторону. Это все равно, что пустить козла в капустные грядки в надежде на то, что тот ничего не тронет.

«Нет уж, Сереженька, – решила Люба, отжимая половую тряпку. – Справляться тебе самостоятельно со своими проблемами. А я как-нибудь уж со своими. Пока их не особо-то и много, если не считать неудавшегося оргазма с Хелиным. Да еще гнусных намеков в адрес Кима. А это все такая ерунда, что не идет ни в какое сравнение с тем, чем потчевал Иванов в супружестве».

Ерунда.

Хелина придется терпеть. Ничего, и не такое терпела.

А что касается Кима... С ним ведь можно и встретиться. И поговорить, выбрать бы только подходящее время.

Глава 3

С Кимом она так и не встретилась.

Того самого времени, на которое она так уповала, просто не оказалось. Люба разрывалась между новой должностью, домом и косыми взглядами сослуживцев по лаборатории, теперь уже бывших, поскольку отселили ее от них аж в соседний корпус. Люба поначалу еще пыталась им звонить, справляться о делах, шутить и хоть как-то поддерживать на плаву их непрочный, как оказалось, мирок. Но то вдруг у всех разом обнаруживались срочные дела и говорить им по телефону совсем уж было некогда. То места ей в столовой за их столиком в обеденный перерыв не оказывалось. То не по пути им было вовсе с ней, а совсем в другую сторону.

– Да ладно тебе, Люба, прикидываться, – фыркнула однажды ей в лицо вредная Татьяна Савельева. – Полно играть в демократию.

– А я и не играю, о чем ты? – Любе в тот день удалось догнать ее по пути в детский садик и навязать-таки свое общество и неприятный разговор о том, что ее все сторонятся. – Все ведь так же, как и раньше!

– Так да не так, милая. – Таня остановилась у кованной калитки детского сада, явно давая понять, что дальше – запретная территория. – Разве же мы теперь с тобой ровня? Как бы не так! Твою зарплату даже главбух не знает! Тебе же ее

ежемесячно в конвертике в кабинете генерального вручают. Знать бы вот только, за какие заслуги! Ким тут правда что-то намекал на днях, да я его не особо слушала. Щи варила. Ты-то теперь, небось, все больше по ресторанам питаешься. А нам – лабораторным крысам – туда путь заказан. Мы щи хлебаем. Да еще и лаптем. Не то что некоторые. Ишь, как приоделась-то за последние пару месяцев. Гладишь, в бархатный сезон куда-нибудь на острова махнешь.

И Татьяна ушла от нее, не повернувшись ни разу. А потом вдруг вечером позвонила. Люба только успела выйти из ванны, где отмокала от трудовых будней и неприятных откровений.

– Слышь, Любка, – визгливо начала Татьяна заплетающимся языком. – Ты бы сказала этому хмырю...

– Это которому? – конечно, она поняла, о ком ведется речь, но проще было прикинуться непонимающей.

– Тому, что теперь у нас на заводе всем заправляет. Богдан, мать его, Владимирович! В гроб бы его душу мать!.. – Татьяна добавила еще пару непечатных предложений. – Он же нам что обещал?

– Что? – Люба опустила в кресло, стянула с головы полотенце и зло отшвырнула его на столик слева от себя.

– Что мы теперь заживем. Что долгов по зарплате не станет. Что жалованье нам прибавит. А что на деле?! На деле стало еще хуже, чем было! Была горстка своих кровопивцев, теперь еще и этот!.. Жрать он любит в элитном ресторане.

Спать в люксе. Баб ему тоже первоклассных поставляют, и не бесплатно, уж поверь! А зарплата наша где?! А?! В Караганде?! А мне вот детей нечем кормить. Что ты на это скажешь?!

Сказать Любе было нечего. Она могла подписаться под каждым словом подвыпившей Татьяны. И отчаяние ее понимала, как никто. И злость. Только вот помочь ничем не могла. Разве что свою зарплату ей отдать. Она-то к ней ни разу так и не притронулась. Так и лежали один на другом два теперь уже конверта на полке в шкафу меж постельными комплектами...

– А Тимоха злится и на меня орет. Я его работу искать посылаю, а он на меня орет. Говорит, воровать – не обучен. Обучен, говорит, только этих воров брать с поличным. Он же у меня кто? Он же у меня «минцанер» поганый. Честный и правильный. Он мзду не берет! Ему за державу обидно! Ладно, Любка, пошла ты...

И Татьяна бросила трубку.

Люба задумалась.

У Савельевых очередной скандал на почве материальной недостаточности. Либо Таньке ее новое платье так понравилось, жаль, объяснить ей не успела, что мать прислала посылку с обновками на прошлой неделе. Либо кто-то из соседей чем-то обзавелся. Таньку, понятное дело, закусилась зависть. Такое бывало и прежде. Она выпила и закатила Тимохе истерику.

Ох, и жалко же его! Ну, такой хороший парень, такой хороший, а достался завистливой истеричке. А когда-то пытался за ней – Любой – ухаживать. И даже делал несмелые попытки поцеловать ее у подъезда. Но появился Ким, и Тимоха отступил в сторону. Позвонить ему, что ли? Тысячу лет не пересекались. Все опять из-за чего? Из-за Танькиной истеричности...

– Алло, Тимоша, ты? – она узнала его сразу, и обрадовалась вдруг, и сразу поняла, что очень соскучилась по его глуховатому прокуренному тенору. – Привет, это Люба.

– Это ты, Закатова?! Вот это сюрприз. Чего это ты так поздно звонишь мне? Да еще на работу! Случилось что-нибудь? Не твой благоверный...

– Нет, нет, нет, – она рассмеялась, Тимошина привычка мгновенно перехватывать инициативу в разговоре могла свести с ума кого угодно. – Все у меня нормально. Просто решила позвонить.

– Просто? Ага... Просто, значит... – Савельев на какое-то время задумался, а потом неожиданно спросил: – А тебе случайно Танька моя не звонила только что?

– Татьяна? – Люба быстро соображала, что бы такого сокрушить безобидного, чтобы не рассорить окончательно и без того часто ссорившихся супругов, но врать не умела изначально, поэтому со вздохом призналась: – Звонила.

– Нажралась, небось, пьяная и о жизни своей несчастной кручинится. Так? – Тимоха хотел казаться эдаким весельча-

ком, балагуром, но в голосе никакой радости не было, скорее раздражение и даже потаенная какая-то ненависть.

– Да не совсем... – промямлила Люба, все еще пытаюсь выгородить подвыпившую Татьяну. – Так что-то молола непонятное. Хватит об этом... Ты-то как? Тысячу лет не виделись. Хоть бы зашел, поговорили бы.

– Может, как-нибудь и зайду, – пообещал неожиданно Тимоха, обычно начинал мямлить что-то маловразумительное о занятости и усталости, а тут вдруг... – Поговорим. Вспомним дни былые. Ким здесь, знаешь?

– Знаю.

– Виделись?

– Мельком. В ресторане.

– А-аа, это когда было-то! Про это он мне говорил. А потом? Потом что, так ни разу и не пересеклись? – Тимоха чертыхнулся вполголоса и снова с заметным Раздражением: – Неужели у вас – взрослых серьезных людей – не нашлось достаточно ума и времени, чтобы встретиться и все обсудить, а?! Люба, ну ты-то что?! Неужели не жалко прожитых впустую лет, а? Ладно он, баран упрямый, ты-то что?..

Люба заморгала часто-часто, пытаясь прогнать подступившие слезы.

Господи, как же хорошо, что она вдруг ему позвонила. Не стала торчать у телевизора, как делала в последнее время. Не стала выпендриваться с феном перед зеркалом, непонятно для кого укладывая волосы. И это на ночь-то... А, выслушав

пьяный клетот Татьяны, взяла и позвонила ее мужу – самому хорошему и доброму мужику на свете. После Кима, конечно.

Ведь что он сейчас говорит ей? Он не то что прозрачно, он черным по белому намекает, что им с Кимом нужно, нет, просто необходимо встретиться. Что им есть, что сказать друг другу. И что он, зная их обоих как облупленных не один и не два года, знает все об их истинных чувствах и...

– Слушай меня, Любовь, внимательно и запоминай, – с напускной суровостью пробасил в трубку Тимоха Савельев. – На следующей неделе я вплотную занимаюсь сразу несколькими делами. Два из которых не терпят отлагательства. А вот в следующие выходные... В следующие выходные приду к тебе, так и знай. И таких чертей получишь. Все поняла? К тому же мне нужно обсудить с тобой одну крохотную проблемку. Так, пустяк, с виду. А там кто знает, во что это все выльется. Все поняла?

– Поняла! – Люба улыбнулась сквозь слезы, потянулась за полотенцем и спрятала в нем лицо.

– Что хоть поняла, горе ты мое луковое? – Савельев довольно хмыкнул. – Поняла она...

– Про чертей все поняла, Тимоша. Приходи. Жду.

– А если не один приду, а с ним? Как? Не выгонишь?

– Нет. Приходите. Жду.

– И время на нас, убогих, найдешь?

– Найду, найду я для вас времени, только приходите...

А время возьми и обскачи их.

Сыграло на опережение это коварное, беспощадное, жутковатое в своей неотвратимости время.

Оно взяло и убило Тимошу. Швырнуло под колеса гигантского грузовика прямо на углу его же собственного дома. А еще через пару недель после похорон Тимоши на Любу Закатову напали.

Глава 4

Начало августа перехватило эстафету изнуряющей жары у июля и постепенно довело ее до критической отметки. Тридцать пять в тени доводили до иступленного бешенства. А о том, чтобы постоять пару минут на солнцепеке, нечего было и думать. Тут же начинало ломить виски и щемить сердце. Одежда уже через десять минут после выхода на улицу начинала липнуть к телу, которое казалось потным и грязным, хотя ведь только что из ванны и дезодорантом укатан почти с ног до головы.

Люба медленно брела в тени домов к проходной, с тоской вспоминая события минувших выходных. На них выпала неожиданная, сломившая всех смерть Тимофея Савельева.

Нелепо, глупо, неожиданно...

Сколько же было высказано подобных слов по поводу его кончины! И сколько еще не сорвалось с губ!

Люба ничего и никак не комментировала, замкнувшись в себе от этого свалившегося на нее горя. Может, окружающие были и правы, сочтя смерть Тимоши нелепой. Может, и глупой она была, забрав такого хорошего человека. И уж точно неожиданной. Кто же ждет подобное?! Но никто не назвал его кончину страшной. Никто, включая обезумевшую от всего этого ужаса Таню. Одна Люба сочла, что это так.

Страшно... Это было так страшно... Что у нее просто

язык окостенел, когда ей позвонил Ким и сообщил, что Тимоха погиб десять минут назад под колесами грузовика.

Она молчала все то время, пока он ей говорил и просил о чем-то. И молчала потом еще три дня. Что-то делала, кажется. Помогала с поминками. Ходила куда-то. Ей вручали какие-то справки, деньги. Потом что-то резала, заправляла майонезом, жарила, варила. Но вот говорить ни с кем не могла.

На Тимошу старалась не смотреть, вернее, на то, что от него осталось. Пыталась пару раз зайти в гостиную, где на савельевском обеденном столе возвышался гроб с истерзанным его телом, хотела проститься. Но всякий раз натыкалась там на кого-то голосящего, плачущего, причитающего, и тут же мчалась обратно. Все равно куда: на кухню, в прихожую, вон из дома...

Ким к ней так ни разу и не подошел. Все время был рядом с Татьяной и детьми. Высокий, с мрачным небритым лицом и сведенными у переносицы бровями. Это он их от горя так сводил, и еще оттого, что боялся заплакать. Люба знала. Она же почти все про него знала.

На кладбище он не выдержал и все же заплакал. Закрыв лицо полой черного пиджака, заплакал. И ушел потом куда-то, даже не успев проститься с погибшим другом.

Потом были поминки. Народ тихо переговаривался, выпивал, закусывал. Одна партия сменяла за столами другую, и все повторялось сначала. Люба металась между кухней и го-

стиной с тарелками, салатниками, бутылками, почти ничего не соображая.

Татьяна в какой-то момент подняла на нее от тарелки пустые глаза и вдруг сказала:

– Люба, ты бы присела, что ли. Что же ты мечешься-то? Посиди, съешь что-нибудь.

Люба кивнула ей и осторожно улыбнулась вмиг задрожавшими губами. Потом снова кивнула согласно и ушла на кухню. Сидеть за столом, что-то есть, пить, о чем-то говорить она не могла. А вдруг не сдержится и заорет в полный голос?! Заорет и станет, так же как и те другие, биться и причитать, и жалеть его, жалеть, жалеть...

Разве же так можно! Нельзя. Там Таня, дети, Ким. Она не может, не должна так вести себя. Ей надо сдерживаться из последних сил. Вот доберется до дома, тогда уж...

А переступив порог квартиры, она тут же натолкнулась на нетерпеливый телефонный звонок. Сняла трубку и через силу протолкнула сквозь саднящее от горя горло:

– Алло.

В трубке была тишина. Тогда она снова повторила «алло», а потом еще и еще раз. Результат был тем же. Ей никто не ответил. Люба положила трубку и какое-то время с изумлением ее рассматривала.

Кто бы это мог быть?

В голову никто, кроме Кима, не шел.

Может, все-таки он?! Господи, хоть бы и в самом деле он!

Они же должны были встретиться на этих выходных. Тимоха ей железно обещал. Он потом перезванивал ей дважды, и даже время визита уточнил. И снова пообещал, что приведет с собой Кима. Снова назвал их дураками, играющими в гордость, или что-то в этом роде. А потом взял и умер. Страшно и навсегда. А Ким так ни разу за эти три дня и не подошел к ней. И не заговорил с ней ни разу. В какой-то момент Люба даже начала подозревать, что он ее и не замечает вовсе. Или не хочет замечать? И тут вдруг этот звонок. Господи, сделай так, чтобы это был он! Сделай так, чтобы он сейчас просто взял и пришел к ней без всяких условностей и предварительной договоренности. Только бы это был он!

Люба осторожно легла на диван, свесив с него ноги в туфлях. Надо же, она даже не разулась. Не заметила... Кто же звонил и молчал? Кто бы это мог быть?

Молчать мог тот, кому просто нечего ей сказать. Тут кандидатура Иванова подходила как нельзя лучше.

Хелин звонить ей домой не станет. И уж тем более молчать. Птица не того полета. Он ее после того гостиничного разового секса и вовсе перестал замечать, стал бы он еще в телефонную молчанку играть. Нет, это не он, стопроцентно.

Или это мог быть тот, кого много чего переполняло и это не позволяло начать разговор просто так, на голом месте. Хоть бы Ким...

Телефон снова зазвонил. Люба приподнялась и, с трудом переставляя ноги – надо же она и не заметила, как устала за

эти дни, — снова подошла к журнальному столику, на котором у нее с незапамятных времен стоял телефон.

— Алло! — тишина в ответ. — Алло, кто это? Ким, это ты? Не молчи, пожалуйста! Ну, не молчи!

— Люба... — это действительно был Ким, слава господу! — Люба, нам надо поговорить.

— Да! — перебила она его. — Нам давно следовало это сделать! Еще несколько лет назад нам надо было поговорить.

Она вцепилась себе в горло и с силой зажмурилась, боясь, что не выдержит и зарыдает прямо в трубку и что-то одно из двух: или напугает или оттолкнет его.

— Я не об этом, — перебил ее Ким с заметным неудовольствием. — Что было, то прошло. Возвращаться к прошлому и копать в нем... Это не по мне, ты же знаешь.

Внутри у нее все сжалось от мерзкого, тошнотворного на вкус разочарования.

Не об этом?! А о чем же еще, господи?! О чем они могут говорить спустя три года после совершенно глупого расставания? Нет, не так. Она ни о чем другом сейчас с ним просто говорить не сможет. Не сможет и не захочет.

— Что ты хотел мне сказать, Ким? — и как она это выговорила, сама не поняла, но ведь выговорила и даже не разревелась, а хотелось жуть просто как. — Понимаешь, мне сейчас нелегко.

— Мне легко, хочешь сказать?! — он непозволительно грубо перебил ее. — Мне так погано, как не было погано уже

несколько лет, поняла?! Мой лучший друг... Мой верный Тимоха... Его нет больше, понимаешь!!!

Он пытается ее в чем-то обвинить, рассеянно подумалось Татьяне. Кажется ей или нет, что Ким ей что-то такое предъ-являет? Может, ее нервной системе конец, и ей теперь в каждом слове чудится укор, упрек или что-то тому подобное?

– Ким, – вставила она, когда ее бывший жених (господи, ну все ее мужчины в бывших значатся, наказание просто какое-то) выдохся и замолк ненадолго. – Я что-то не пойму... Ты, собственно, зачем мне звонишь? Чтобы определить степень страдания друг друга или сопоставить его? Почему ты кричишь на меня?

– Я не кричу! – заорал он ей прямо в ухо. – Я не кричу, я пытаюсь понять, почему он погиб в тот день?!

– Это был несчастный случай, – вспомнила она милицей-ский отчет, кто-то из Тимохиных коллег давал ей его прочесть.

Она стояла у окна в кухне Савельевых. Давилась сигарет-ным дымом, потому что совершенно не умела курить. И чи-тала прыгающие перед глазами строчки, пытаюсь сложить из них предложения. Давилась дымом тлеющей в руке сигареты и единственное, что из всего напечатанного поняла, так это то, что Тимоха погиб в результате несчастного случая.

Водитель не справился с управлением. К тому же в маши-не оказались неисправными тормоза. С места происхождения парень скрылся, и теперь его якобы ищут. Что-то было еще и

про машину, и про водителя. Она не помнила. А вот строчки о несчастном случае врезались в мозг, будто кто-то там ей их выгравировал.

– Несчастный случай?! – Ким горестно рассмеялся. – И ты веришь в то, что Савельев попал, как бродячий пес, под машину?! Что он зазевался?! Ворон, к примеру, считал, или доски в соседнем заборе, и попал под грузовик?! Ты была на месте происшествия, Любовь?

– Нет. – Как бы она, интересно, туда попала, если после его звонка буквально приросла к полу и простояла почти тридцать минут, не в силах шевельнуться. – Я там не была, Ким.

– А я был! И кое-что понял, черт возьми! А если ты не хочешь ничего понимать, то ты... Ты тогда просто дура!

И Ким отключился.

Что называется, поговорили.

Люба в сердцах бросила трубку и, снова упав на диван прямо в туфлях, расплакалась-таки.

Ревела она самозабвенно, забыв о времени. А потом, окончательно обессилив, уснула.

Проснулась, когда за окнами совсем стемнело.

Люба приподнялась было, но тут же снова упала навзничь. Тело болело, будто его пропустили через камнедробилку. В левом боку прочно угнездилась тупая ноющая боль. В голове тоже было беспокойно, в висках и затылке методично постукивало.

Надо было встать, накапать себе чего-нибудь из пузырьков

в аптечке и съесть хоть тарелку супа. Три дня держалась на кофе и сигаретах, а курить ведь совсем не умела...

Кое-как добрела до кухни, включила свет и полезла в холодильник. Супа там никакого не оказалось. Да и откуда ему там было взяться, если она его не варила. Собиралась приготовить много и вкусно к приходу ребят, но так и не успела.

Тимоша погиб. Ким сердится на нее и за смерть друга, и еще непонятно за что. А продукты не переработанной горой лежали в холодильнике. Курица в вакуумной упаковке. Два килограмма шикарной свиной вырезки. Зелень, овощи, фрукты чахли под стеклом в выдвижных ящичках. Водка уже сотню раз переохладиться успела. Кстати, о водке...

Люба достала бутылку, огромных размеров помидор и батон любимой докторской колбасы.

Раз нет супа, придется пить водку. Она уложила веером на одну сторону тарелки несколько ломтей колбасы, с другого бока пристроила кусочки помидора ровными полумесяцами. Достала из целлофанового пакета полбуханки черного хлеба и отрезала себе горбушку. Села за стол, поставив перед собой закуску и двухсотграммовый граненый стакан, наполненный до половины водкой, проговорила:

– Прости меня, Тимоша! Прости, что я такая дура и что я не смогла, как твой друг, углядеть в твоей страшной смерти чьего-то злого умысла! Его бы проницательность да в нужное русло. Знал бы тогда, как я его...

Она не успела ни договорить, ни выпить, в дверь нежи-

данно позвонили.

Первый взгляд на часы – там была половина двенадцатого. Совсем она никого не ждала в это время. Никого не ждала, а уж так поздно тем более.

Пришлось снова ставить стакан на стол и плестись к двери. По пути она сбросила с ног туфли. Нестирающиеся набойки производили оглушительный, на ее взгляд, грохот. И это ее нелепое цоканье тут же отдавалось рикошетом в голову.

Люба переобулась в домашние шлепанцы. Перевернула сползшую набок юбку, одернула черную трикотажную кофточку и, забыв поинтересоваться через дверь, кого это там принесло на ночь глядя, открыла.

– О, нет!!! – со стоном выдохнула она и инстинктивно попыталась захлопнуть дверь перед носом у Иванова.

Но тот уже держал наготове ногу, обутую в тупоносый ботинок. Тут же взгромоздил его на порог, не давая двери затвориться.

– Чего тебе, Иванов?! – Люба горестно сморщилась. – Ты видишь – какая я?!

– Какая? – Серега плотоядно облизнулся. – По-моему, как всегда соблазнительная. А какая же еще?

– Я никакая, понял! Проваливай!!! – Люба все еще налегла грудью на дверь и пыталась мягким носом домашнего шлепанца вытолкнуть Серегин ботинок. – Сегодня схоронили Тимошу, убирайся! Мне не до тебя!

— А я как раз по этому поводу и пришел, — совсем обиженно прогундел Иванов и ввалился-таки в квартиру. — Люб, я ненадолго, честно! Побазарим с тобой, и я свалю.

Верить ему было невозможно, но не в ее силах было ему сейчас противостоять. Она еле держалась на ногах. Еле шевелила языком и вообще с трудом соображала. Слишком уж много всего было для ее хрупких плеч, слишком...

Иванов разулся и сразу рванул на кухню. Руки в карманах тонких светлых штанов, посвистывает. Только переступил порог кухни, сразу захохотал в полный голос. Ну, не придурак, а! Нашел время и повод ржать!..

Тут же загремел дверцами шкафов, засуетился, разыскивая себе приборы.

Люба вошла в кухню следом и, недобро сверкнув в его сторону глазами, пригрозила:

— Если начнешь балагурить, выгоню.

— Молчу, молчу, жена! — Иванов притворно загородился от нее локтями, следом тут же ухватился за бутылку и щедро налил себе. — Давай помянем Тимоху. Пусть земля ему будет пухом! Выпили.

Он выпил, не дожидаясь ее, и тут же захрустел огурцом. Нашел под стеклом в холодильнике, не зря шарил. Жевал огурец, попутно облеплял хлебный ломоть колбасой и сыром, и его ведь отыскал. И все посматривал на мрачную Любу загадочно и со значением.

Люба глотками выпила свою водку, тут же закашлялась и

быстро потянула с тарелки помидорину. Не любила она водку, и пить ее никогда не могла. Не то что бывший муженек. У того все, что горит, проскакивало внутрь с завидной легкостью. Опрокинул целый стаканище, будто воды попил. И жрет теперь, и глазами в ее сторону мерцает. Чего это его так разбирает, интересно? Какой-то не такой он сегодня. И приоделся...

Иванов и в самом деле поменял заношенные до дыр джинсы, облачившись в светлые брюки. И рубашечка на нем была новенькая, не из дешевых. Ботинки хоть и не по сезону, но тоже показались ей новыми. И сам весь из себя ухоженный, подстриг свои смоляные патлы, причесал даже. И под ногтями грязи нет. В люди, что ли, выбивается?

– А чем мы хуже? – надулся он сразу, стоило ей спросить его об этом. – Есть люди заинтересованные и нуждающиеся, в отличие от тебя. Приласкали, обстирали...

– Это кто же такие? Уж не твоя ли хозяйка квартирная? – вяло пережевывая помидорную дольку, спросила Люба; ей не было интересно, спросила просто так. – Может, она бы и прописала тебя к себе, а, Серега?

Это была их общая большая мозоль, и, всякий раз ее задевая, они причиняли боль друг другу. Не стал исключением и теперешний вечер. Серега сразу надулся, принялся пить водку стакан за стаканом и упрекать ее через слово в том, что она не смогла стать ему родной матерью, подругой и настоящей любящей женой. И ему теперь, несчастному, при-

ходится жить в чужих людях, пользоваться подачками и терпеть упреки. А могли бы жить-поживать да добра наживать, а она... А она его последнего пристанища, пускай и условного, лишает.

– Во во! – Люба хмельно хихикнула, погрозив ему пальцем. – Все-то у тебя условно. Условно-освобожденный, условное пристанище, условное счастье... Ненастоящий ты какой-то, Иванов. Я вот даже и в благополучие твое теперешнее не верю.

– Это почему же? – его черные глаза превратились в злые узкие щелочки.

– Да потому, что ненастоящее оно. Слышал про такую поговорку, что не все золото, что блестит, потом еще что-то такое и про самоварное золото... Короче, фальшь из тебя, Иванов, прет через край. Враль ты и фальшивка!

Не стала бы она в другое время опускаться до такого вот откровения. Взрыв же неизбежен, ежу понятно. А за взрывом могло последовать еще чего и похуже. И в любое другое время Люба обязательно бы прикусила язык и не стала бы его провоцировать.

Но...

Сегодня у нее имелся целый ряд причин на такую вот бесшабашную смелость.

Перво-наперво, сегодня она похоронила Тимошу Савельева. Друга счастливой беззаботной юности. Хорошего человека. Симпатичного порядочного мужика...

Сегодня на нее накричал Ким, а это был удар. Последний раз они разговаривали почти три года назад. Мог бы быть и деликатнее, кажется. Но он орал на нее и даже обозвал ду-рой.

И еще сегодня она, кажется, напилась вдрызг. Вынужденное голодание, горькое горе, высушившее ее изнутри, три бессонные ночи. Все это наложилось на водку отличным балластом и тянуло ее теперь ко дну, на котором ее поджидал озверевший Серега Иванов.

Расправа не заставила себя долго ждать. Упившийся водкой бывший муженек вскочил с места, ухватил ее за волосы и потащил в гостиную, на ходу приговаривая:

– Я тебе сейчас покажу фальшивку! Я тебе сейчас, паскуда, покажу, что у меня имеется фальшивого, а что настоящего. Оскорблять она меня вздумала!!! Выписать решила!!! А вот хрен ты угадала! Даже в собственном доме на семи холмах буду жить, ни за что не выпишусь отсюда!

– Это почему? – спросила Люба, она, согнувшись, семенила за Ивановым, на ходу теряя тапки.

Пытаться вырвать из его сильных рук прядь волос было бессмысленно, сопротивляться тоже. Оставалось покориться, так случилось...

– А из вредности! – гыкнул Серега.

Дотащил ее до дивана, швырнул на спину и полез сверху.

– Я тебя сейчас и трахну из вредности. Не хочу ведь совсем, да и есть мне с кем время весело проводить, а трахну,

и все! Что станешь делать?

– Хелину скажу, – соврала Люба и распаскудно улыбнулась в лицо взбешенного Сереги. – Я же тебе говорила, Серый! А ты снова и опять. А ну как давай-ка, слезай, и поговорим по-трезвому.

Фамилия Богдана Владимировича мгновенно привела Серегу в чувство. Он сполз с нее. Сел на полу, оперся спиной о диван и какое-то время беззвучно шевелил губами. Видимо, ругал на чем свет стоит и ее, и Хелина. Пусть себе. Лишь бы до нее не дотрагивался.

– Так чего ты приперся ко мне на ночь глядя? Сказал, что из-за Тимошиной смерти. Что ты хотел сказать? – Люба усе-лась, свесив ноги на пол и обхватив голову руками, болела та нещадно. – Говори и проваливай, Серега. Мне так худо, что впору умереть.

– Может, и умрешь! – вдруг воскликнул он обрадованно, потом поймал ее изумленный взгляд и, опомнившись, поспешил исправиться: – Когда-нибудь...

– Что-то ты темнишь, дружище. Что?

– А ничего! Думаешь, Ким твой просто так в городе появился?! Хрен там! – он снова сузил глаза и сердито засопел в ее сторону. – Небось, на свой счет его приезд приняла? Ага, как же! И стоило ему появиться, как началось...

– Что началось?

Люба ничего не понимала. Сереге, конечно, веры было мало, но вдруг именно на этот раз он не врет? Вдруг и прав-

да что-то знает.

– Что, что?! Тимоху убрали? Убрали! Кто следующий?! Скоро начнется тут такое... – Иванов понизил голос до зловещего шепота.

И надо сказать, у него получилось нагнать на нее страху.

– Ты что-то знаешь, Сереж? Если знаешь, скажи. Кто... Кому помешал Тимоша?! Ким вон тоже уверен, что это был не несчастный случай и...

– Да шла бы ты со своим Кимом куда подальше! – взорвался непутевый праведным, но ненатуральным каким-то гневом. – Ким! Ким, Ким, Ким!!! А знаешь, кем твой Ким был в Москве-то?

– Кем? – внутри у Любы все невольно сжалось от нехорошего предчувствия.

– Бандитом! Бандитом был там твой Ким, вот кем! – Серегины пьяные глаза округлились до непозволительно огромных размеров, и в них вполне ощутимо завибрировал самый настоящий первобытный ужас. – И не просто шалупонью там какой-то, а самым что ни на есть крутым, во! А ты мне все: Ким, Ким... С чего он сюда прикоптил, спрашивается? Молчишь? Не знаешь потому что.

– А ты?.. Ты-то что знаешь?

Люба ему не верила. Он снова ей врал – ее непутевый бывший муж. Врал либо для красного словца, либо еще из каких соображений.

Как ей видится его визит...

Он зашел на огонек просто для того, чтобы похвастаться новыми штанами и рубахой. Нарвался на водку. Напился, нажрался, поскандалил... Это все в его духе, в его стиле. Хотелось еще и с ней попутно переспать. Не получилось. Что тогда? Тогда нужно снабдить ее какой-нибудь гаденькой легендой на сон грядущий, чтобы она этого самого сна лишилась. И промучилась остаток ночи, и проплакала...

– Ты снова мне врешь, гад! – вырвалось у нее в момент затянувшейся паузы. – Я не верю тебе! Ким не может стать бандитом! Он не такой!

– Я не такая, я жду трамвая, а впрочем, сколько вас? – дурашливо прогнусавил Иванов, сплюнул куда-то себе между коленей и качнул головой. – Дура ты, Любка! Ну, какая же ты дура! Ким ее не такой! А какой он, какой?! Славный, милый, хороший, так, что ли? Чего же он тогда за тебя бороться не стал, а? Пришел с букетиком, постоял у двери, тут же прыгнул на тачку и укатил в свою Москву. Чего так быстро сдался, не задавалась никогда вопросом, жена?!

Задавалась! Еще как задавалась. И ответа не было. Вернее, был, и не один, но все они получались какие-то нехорошие. Такие неправильные, что она тут же отметала их прочь и начинала придумывать что-то еще, что-то более приличное и справедливое.

– И с чего же он тогда так быстро сдался? – не хотела да спросила Люба у Иванова.

– Потому что уже одной ногой в Москве на крутого дядю

работал. А потом дядю этого потихоньку под себя подмял, а со временем и уколошил, – вдохновенно распинался Серега и, видя ее замешательство, осмелел и снова взгромоздился на диван. Прижался к ее плечу и даже по спине осмелился погладить. – Ты, Любка, сильно не переживай. Что было, то прошло. Я-то всегда был рядом. Ох, а если я тебе еще кое-что расскажу, то ты ваще, блин...

– Что? – его рук, что вдруг полезли к ней под кофточку, она уже не замечала.

– Ты офигеешь совсем. – Серегин нос ткнулся ей в ключицу, а губы тут же вцепились ей в шею. – Он же... Он же все твои телефонные разговоры прослушивал, когда ты с ним встречалась.

– Врешь!!! Врешь, скотина!!! – Люба взвилась, будто ее кто облил кипящим маслом. Соскочила с дивана и больно ткнула Иванова кулаком в плечо. – Ты говори, да не заговаривайся, гадина! Чтобы Ким!.. Да как?! Ему такую аппаратуру не под силу было достать в то время, придурок!

– А ты не оскорбляй, а лучше вспомни, где он перед отъездом работал, умница ты моя, – совершенно не обидевшись, спокойно заявил непутевый и вдруг растянулся на ее диване самым наглым и собственническим образом. – А работала любовь всей вашей жизни на нашем радиозаводе. Так? Так! А ребята, что там работали, могли дистанционное управление всего ракетного комплекса страны собрать за смену. Такие Кулибины, блин... Твой Кимушка был из их числа, из са-

мородков. Вот и упражнялся на тебе, дорогуша. Все твои телефонные разговоры прослушивал, или записывал, уж точно не знаю. Ты у него сама спроси. Слабо?

Ким и в самом деле работал на радиозаводе. И специалистом был высочайшего класса. Его рвали на части, приглашая ремонтировать бытовую технику. И даже пытались переманить в другие организации, фирмы и фирмочки. Когда он уехал в Москву, Люба считала, что наконец-то переманили. Кому-то удалось его все-таки уговорить и заполучить, а тут...

– Зачем ему прослушивать мои разговоры, Сереж? Мы же с ним никогда не расставались. И...

Она внезапно замолчала, вспомнив, как несколько раз ей приходилось удивляться проницательности своего бывшего возлюбленного. Начнет ему что-нибудь рассказывать, а он улыбнется так загадочно и обронит что-то типа того, что знаю, мол, знаю. Она по дурости млела тогда, решив, что это его любящее сердце так все способно чувствовать. А он, оказывается, разговоры ее прослушивал.

Гадость какая...

– Я тебе не верю, – скорее из упрямства повторила Люба, опускаясь в кресло подальше от непутевого. – Ты врешь мне снова, скотина.

– Ладно. Коль ты такая упрямая дура, на вот сама с ним поговори.

Серега вытащил из кармана новых штанов мобильник, по-

тыкал толстым пальцем по кнопкам и через мгновение протянул телефон ей.

Люба взяла телефон с опаской и не сразу приложила его к уху, сочтя, что это очередной розыгрыш непутевого. Сейчас... Вот сейчас он заржет полковой лошадью и будет над ней потешаться потом еще минут двадцать. И в трубке никого не окажется, и весь его рассказ окажется лживым дерьмом.

– Алло, Серега, чего ты?

Ким! Это был Ким! И он отозвался... Что же это, а?! Как же это?!

– Ким, – позвала слабым голосом Люба и замолчала.

Она едва не опрокинулась в обморок от всего, что на нее сегодня свалилось.

Неужели Серега впервые в жизни ей не соврал и Ким действительно оказался мерзавцем, каких еще поискать? Как же ей жить потом со всем этим?!

– Люба, ты? – голос Кима не дрогнул, все так же ровно и чуть нетерпеливо он продолжил: – Чего ты мне звонишь с мобильника Иванова? Он у тебя, что ли?

– Да. У меня. – ответила она с вызовом. – А что?

– Да нет, ничего. Семейное дело, оно такое... – все же, не удержавшись, съязвил он. – Чего звоним?

– Тут такое дело, Ким. – Люба запнулась, не зная, как ей говорить с ним дальше. – Мне Серега в порыве откровения рассказал, будто бы ты раньше мои телефонные разговоры

прослушивал. Это правда?

– Почему ты спрашиваешь? – разволновался вдруг Ким, надо же, а она-то думала, что он так и останется невозмутимым.

– Это правда, Ким?

– Это так важно для тебя? – снова ответил он вопросом на вопрос.

– Да важно, важно! Ответь!

– Ну... Это не совсем так... То есть, я конечно знал, о чем ты говорила по телефону, но это было не ради того, чтобы быть в курсе, и...

– А ради чего? – спросила Люба и горестно усмехнулась, невольно зажмурившись.

Кажется, только что разрушился последний в ее жизни розовый замок. Ждать от жизни больше нечего. Радоваться также, а уж мечтать и вовсе не приходится.

– Аппаратуру собственного производства испытывал, – в голосе Ким отчетливо зазвучали виноватые нотки. – И хотел тебя уберечь от неприятностей и...

– Испытывал, значит? – перебила его Люба. – На мне испытывал?

– Да, а что? – обеспокоенно переспросил Ким.

– Да так... Хорошо, что ты не ветеринаром тогда трудился и не патологоанатомом. А то совсем бы мне худо пришлось.

Люба отключилась и, не глядя на Серегу, вернула ему телефон. Потом встала и прошла по комнате. Бывший муж

наблюдал за ней со смешанным чувством любопытства и тайного торжества. Ну, а что с него еще было взять. Хоть одно утешало в данной ситуации: он не соврал ей, как обычно.

А что же Ким? А вот Ким оказался не на высоте. Ни сейчас, ни тогда, как оказалось.

Она подошла к окну, посмотрела бездумно на густую тополиную листву, безвольно поникшую от долгого зноя и пыли.

Дождя бы... Всем хотелось дождя, и людям, и природе. А его все не было. Все съела изнуряющая жара. Всю сочность летних красок слизала, забрызгав все вокруг жухлой желтизной, будто ранней ржавчиной. И пыль кругом, пыль...

Люба задернула шторы. Обернулась и вздрогнула. Серега неслышно подошел к ней вплотную и стоял, оказывается, все это время за ее спиной.

– Чего тебе, Сереж? – она протянула для чего-то руку и коснулась его волос. – Стрижка тебе идет.

– Знаю, – самодовольно хмыкнул он и снова потянулся к ней руками, губами, телом. – Люб... Любаша, не гони, а... Ну, не гони ты меня... Плохо мне без тебя. Так плохо... Я вот рубашку новую с брюками купил и сразу к тебе похвастаться. Жалкий я, да?

Она ничего не ответила, неуверенно пожав плечами. Желание говорить снова пропало, вместе с мечтами, надеждами и воспоминаниями. Все вдруг разом притупилось и сделалось безразличным: и боль, и слезы, и любовь. Серега мял

ее, тискал, расстегивал что-то, стягивал с плеч, с бедер. А она стояла, поникшая, безвольная, и даже не делала попыток отстраниться. Стало безразлично: уснет ли она одна или под его легкое похрапывание. Какая разница...

Он исчез ранним утром, не простившись и не оставив записки. Люба была благодарна ему за это. И странное дело, за минувшую ночь тоже. Серега был нежен и нетороплив. Даже что-то говорил ей сладкое и приятное. Хотя слышала она его в тот момент не так отчетливо, но умом понимала: он жалеет ее по-своему, или пытается от чего-то оградить. Все равно это было неплохо. Хоть какая-то польза от бесполезного существования на земле...

Рабочая неделя далась ей нелегко. Не хотелось ровным счетом ничего: вставать, идти куда-то, есть, пить, делать вид, что работаешь. Отвечать на звонки и самой звонить куда-то. Все через силу, все с невыносимым трудом. Тело корчило от непонятной, почти физической боли, мысли были путанными и противоречивыми.

То хотелось позвонить Сереге и позвать его на ужин, одной сидеть за столом в пустой квартире стало просто невыносимо. То вдруг сама затея казалась кошунственной. А если он поймет ее предложение как-нибудь по-своему и припрется со всем своим скарбом! Что ей тогда со всем этим делать? Она не готова...

Потом приходила сумасбродная идея позвонить Киму и наговорить ему всяких гадостей. Тут же остывала, брезгливо

сморщившись, и начинала думать про Тимофея Савельева, про его смерть и странные обстоятельства, на которые намекал Иванов. Намекать-то намекал, да так ничего толком и не объяснил.

И еще очень хотелось позвонить Татьяне. Просто до зуда в ладонях хотелось набрать ее номер и поговорить. Но не звонила, потому что знала: разговора не получится. Татьяна непременно разрыдается, и Люба ответит ей тем же. Ни к чему беречь открытую кровоточащую еще рану.

А однажды ни с чего захотелось увидеть Хелина. Ну, не идиотизм! Увидеть, улыбнуться ему призывно и попросить свозить ее куда-нибудь. Не в римскую оперу, конечно же, куда ей. А так, хотя бы за город, на озеро. Чтобы послушать плеск воды, скрип весел в ключинах, шелест тростника. Эта идея, кстати, приходила ей в голову чаще остальных. Почему ей этого так хотелось? Наверное, потому, что встреча эта ни к чему их обоих не обязывала. Ни к чему. Просто встреча, просто диалог, просто секс, если угодно. Да, да, она уже и секс с ним рассматривала как избавление, а не как кару небесную. После всего, что случилось...

Пятница тянулась так, будто кто-то намеренно втиснул в нее трое суток сразу. Люба зевала, косилась то и дело на циферблат часов над дверью, сверялась со своими на руке и все ждала вожделенного звонка, оповещающего о конце рабочего дня. Звонok раздался, но телефонный.

– Алло.

Она шла к телефону намеренно долго, надеясь, что звонившему надоест слушать невострєбованный зуммер и он отобьется. Там терпением обладали, как оказалось.

– Закатова! – рявкнул ей в ухо рассерженный голос Богдана Владимировича. – Какого черта к телефону не подходите?!

На «вы»! Исклєчительно на «вы», будто не было другой договоренности в его кабинете, и не сопел ей в ключицу тем вечером. И не стонал ей на ухо. Воспитанный...

– Спите на ходу?! – снова поинтересовался он, не дождав-
шись ее ответа. – Как дела с работой? Вы все успели?

– Да, – кротко ответила Люба, про себя подумав, что знал бы он, каких сил ей стоило не выпасть за пределы требуемых показателей.

– Показатели?

– В норме.

– Фасовка прошла без проблем? Прошлый раз произошла утечка при транспортировке. Этого допускать нельзя. – Хелин молча выслушал ее сбивчивый рассказ о том, что утечка произошла по вине водителя, допустившего аварийную ситуацию, а потом спросил: – Чем занимаемся в нерабочее время, Закатова?

Спросил все с той же строгостью, без намеков на фривольность. Поэтому и ответила она ему в тон.

– Ничем, собственно... Все больше дома сижу, Богдан Владимирович.

– Что так? – кажется, он изумился.

– Ограничен круг общения, Богдан Владимирович.

– Гм-мм, да... Гм-мм... Не будет большой смелостью с моей стороны пригласить тебя на выходные на озеро?

Опа-а!!! Вот это да! Сразу «ты». Стало быть, новый фаворит. И на озеро... Не иначе ее ангел протер глаза со сна и чуть встряхнулся.

Хотя, если разобраться, озеро было единственно заповедным местом, куда совершались паломничества горожан в выходные. Лесов, рек в округе не было. Только вот озеро.

– Ну что, Любовь? Так как? Едем?

– Да, – чего было отвечать отказом, если предавалась подобной утопии битых пять рабочих дней.

– Вот и ладненько. Кстати, тебе тут премиальные причитаются. В выходной и вручу. Созвонимся. Пока...

Ничего в сущности не изменилось, подумаешь, шеф пригласил на уик-энд. Но настроение чуть исправилось. В голову тут же поползла позитивная дребедень, типа: не все еще потеряно, жизнь продолжается и все такое... Даже зашла по дороге в универмаг и приценилась к купальнику и шортам. Не в линялом же спортивном костюме ей ехать. Стоимость, конечно, и того и другого впечатляла. Но душу грели два конверта под бельем. Наверное, пора их распечатать.

Люба вошла в квартиру. Не снимая босоножек, тут же бросилась к шкафу, достала конверт и, отсчитав чуть больше половины, снова вознамерилась уйти. И тут звонок по теле-

фону.

– Алло, Люба?

Она едва узнала голос Татьяны, настолько он звучал безжизненно и тихо.

– Я, Таня, здравствуй. – Люба быстро взглянула на часы, до закрытия магазина оставалось еще предостаточно времени, успеет. – Как ты?

– Ничего, нормально. Зашла бы ко мне... – послышался короткий всхлип, и что-то зазвенело, будто разбилось. – Мне надо... Надо кое-что сказать тебе...

– Сказать? Мне? Ну... Хорошо, зайду. В понедельник устроит?

– А завтра? Завтра не можешь? – Татьяна со всхлипом вздохнула. – Извини, что настаиваю, но Тимоша... Он хотел поговорить с тобой об одном очень важном деле.

– Важном? Для кого важном, Тань? – сердце забилось часто-часто, тут же вспомнились предостережения Иванова, которые она несколько дней назад сочла обычным лживым трепом.

– Для тебя, конечно же, что ты, как маленькая, все время переспрашиваешь?! – Татьяна заметно разозлилась, голос ее зазвенел, лишившись прежней, безысходной глухоты. – Он хотел поговорить с тобой о чем-то.

– О чем?

– Я не знаю! – снова с раздражением ответила Татьяна.

– Но как тогда...

Имеет ли смысл тогда сам разговор, если она не знала. Именно это срывалось с языка у Любы, но она промолчала. Собиралась же сама позвонить, зайти. Все оттягивала, потому что боялась попасть не ко времени. Да и слез Тани боялась, если честно. А тут приглашение, грех не пойти.

– У него в столе я нашла кое-какие записи, Люба. Записи, касающиеся тебя. Тебе нужно все это просмотреть, перечитать и, может быть, ты что-нибудь поймешь в этом. Я не поняла, как ни старалась. – Таня заплакала в трубку. – Все спешил... Все спешил всегда... Все спешил спасти мир... И тебя тоже спешил спасти...

– Меня?! – сердце вдруг споткнулось, сбившись с бешеного ритма, и на мгновение будто бы зависло в ледяной пугающей пустоте. – Меня спасти?! От чего?!

Таня молчала бесконечно долго. Так, во всяком случае, Любе показалось. Савельева плакала, всхлипывала и что-то шептала, разобрать она не смогла, как ни старалась.

– Я не знаю! Что ты от меня хочешь?! – вдруг прорвалось сквозь ее горестный шепот сдавленное рыдание. – Он что-то говорил перед смертью. Пытался встретиться с тобой. Говорил, что это важно. Потом его не стало... Не стало, понимаешь ты или нет??? Его не стало, и, может быть, из-за тебя! А ты не можешь найти времени для того, чтобы... Говорю тебе, есть бумаги! Если хочешь... Если в тебе осталась хоть капля порядочности, придешь...

Слушать ее Любе было страшно и больно. Но остановить

ее она не могла, она обязана была выслушать Татьяну до конца. И хоть что-то, хоть что-то понять, господи!

Важно...

Что Тимоше могло показаться важным?! Что это было?! Их неудавшаяся любовь с Кимом или что-то еще?! А что еще могло быть важнее этого?!

Что? Что? Что???

– Я приду. Я приду завтра утром, Тань. Слышишь! Я приду непременно. Завтра. Утром. Хорошо? – отправиться к Савельевым прямо сейчас она не смогла бы ни за что.

Снова слушать, видеть, страдать...

Нет, завтра. Завтра рядом с ней будет Хелин. Он поймет, он поддержит, он, быть может, даже сумеет помочь ей чем-нибудь, хотя бы советом. А сейчас... Вернувшись, снова оказаться одной в заточении собственных стен, собственного горя и собственного одиночества... Нет! Она не справится. Видит бог, не справится. Завтра...

– Хорошо. Я все приготовлю, – устало пообещала Савельева, продолжая плакать и звенеть стеклянной посудой. – Все бумаги сложу в большой бумажный конверт и заклею. Если меня вдруг не окажется дома, тебе ребята отдадут или мама. Я с утра могу уехать на кладбище. Я каждое утро туда езжу. Можешь меня не застать... Кто-нибудь отдаст тебе, Люба. А там уж смотри и думай сама, как тебе поступать...

Татьяна наскоро простилась и положила трубку. А Люба готова была разреветься.

Как же тяжело-то, господи! Так тяжело, что впору биться головой о стену и выть, выть, выть. А завтра встреча с Хелиным и она просто обязана улыбаться, источать настроение, шутить. Полноценно отдыхать, одним словом. А как же можно, если Таня вдруг говорит о таком.

Его не стало и, может быть, из-за тебя... Так она сказала, обвиняя.

Ким приехал, и все закрутилось... Савельев оказался первым... Так неделю назад заявил Иванов, страшно округляя глаза.

Это был несчастный случай... Водитель не справился с управлением, отказали тормоза... Так считают бывшие Тимошины коллеги.

Что из всего этого – правда, а что вымысел? Как все это связано? Где пересеклось? Пересеклось и замкнулось на ней...

Купальник она все же купила. Не тот, который присмотрела изначально. Он вдруг показался ей совершенно неприличным и кричащим. Взяла другой, черный. И шорты купила совсем не те, что примеряла час назад. Побродила по отделах. Скорее по инерции, чем из желания порадовать себя покупками. Какая уж тут теперь радость, после всего услышанного. Потом завернула к кафе на углу своего дома и просидела там до темноты, страхась идти в пустую квартиру. Сидела у самого окна и наблюдала сквозь стекло за бесцельно слоняющейся по бульвару молодежью.

А может, и была у них цель, а ей просто так казалось. Не было суетливости в их движениях, и спешки не было тоже. А цель вполне могла быть, не то что у нее. Хотя... Хотя про нее тоже нельзя было так сказать теперь. У нее теперь тоже цель появилась.

Разобраться...

Непременно нужно было разобраться в причине гибели лучшего друга ее счастливой юности – Савельева Тимофея. И если причина в ней самой, то начать разбираться и с этим тоже.

Татьяна расплатилась за четвертую по счету чашку кофе. Взяла в руки два ярких блестящих пакета с покупками и вышла на улицу.

Бульвар был пуст. Люба медленно обогнула угол своего дома и пошла к подъезду.

Тихо... Тихо и душно, невзирая на одиннадцатый час ночи. Ни дуновения ветерка, ни стрекота цикад, словно и их доконала полуденная жара, не оставив сил на ночное беспокойство. Двор был безлюден. Молодежь успела рассредоточиться по ночным дискотекам и барам, побросав до следующего дня три оставшиеся в живых дворовые скамейки. Где-то в глубине двора, у мусорных контейнеров, копошились бомжи. Громыхали металлическими крышками и переговаривались, в основном, по поводу находок.

Люба переложила пакеты в левую руку и взялась правой за ручку подъездной двери. Странное дело, как зима, холод, так

незапертая дверь болтается из стороны в сторону. Как лето и зной, так к двери кто-то усердный постоянно прибавляет чудовищных размеров пружину.

Она переступила порог. Дверь тут же вернулась на свое место, ощутимо приложившись к ее спине. Люба сделала шаг, другой и внезапно остановилась. Понять, что ее встретило, было несложно. В подъезде на первом и втором этажах не горел свет. Кажется, и третий тонул в темноте. Но гореть-то свет должен был! И горел всегда, невзирая на дневное время. А что же теперь?..

Теперь света не было. Он горел где-то на верхних этажах. Слабый намек на его свечение тускло мерцал где-то далеко вверх и тонул на нижних этажах, словно в бездонном колодце. Сравнение с колодцем Любе особенно понравилось, оно было абсолютно точным, потому что абсолютно ничего не было видно. Идти ей пришлось на ощупь. Почти прижимаясь к стене и выставив впереди себя руку. Она заносила ногу над воображаемой ступенькой, нащаривала ее носом бо-соножки и осторожно ставила сначала одну, потом другую. И так шаг за шагом. Шаг за шагом. Пока ее рука не уперлась во что-то. Преграда, возникшая на ее пути – где-то между первым и вторым этажом, определенно была человеком, под пальцами колотилось живое человеческое сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.